

БОРЦЫ
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ
НА АЛТАЕ

П. Бородкин

П. К. ГОЛИКОВ

Барнаул 1963

**ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока**

БОРЦЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА АЛТАЕ

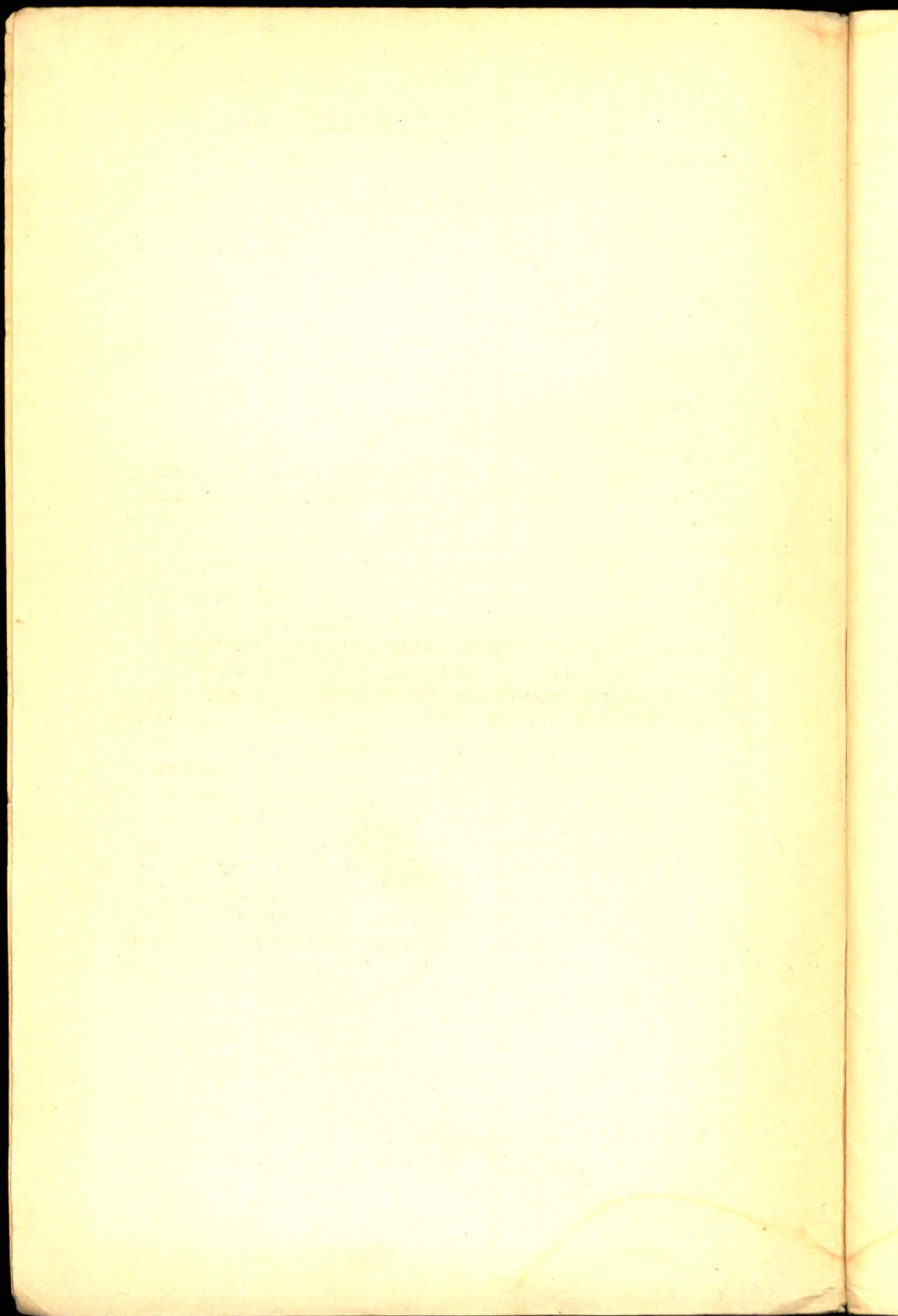
П. БОРОДКИН

П. К. ГОЛИКОВ

Литературно-биографический очерк

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Барнаул 1963

ОТ АВТОРА

Петр Клавдиевич Голиков — коммунист, чье имя неотделимо от героической борьбы трудящихся Сибири и Алтая за Советскую власть. Он один из организаторов Советской власти в районах партизанского движения Степного Алтая, инициатор создания Западно-Сибирского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов (Облакома).

Настоящий литературно-биографический очерк характеризует Голикова как борца за власть Советов, как председателя Облакома и руководителя советской республики на Алтае в августе—декабре 1919 года. Деятельность Голикова раскрывается на фоне героических событий тех дней, в тесной связи с ними и революционным творчеством трудящихся Алтая. Очерк о Голикове — очерк об Облакоме и людях, работавших в нем.

В основу очерка положены архивные документы, воспоминания, дополняющие их, — К. А. Калачевой-Голиковой и Ф. И. Архипова — в прошлом членов Облакома.

Автор приносит глубокую и искреннюю благодарность жене Голикова — К. А. Калачевой-Голиковой за ценные сведения, сообщенные ею, и практические советы при создании очерка.

1. ПЛАМЯ В СТЕПИ

К югу от города Камня-на-Оби распластались бескрайние Кулундинские степи.

В дождливое лето, когда в предгорьях или притаенных местах Алтайской губернии никнут к земле хлеба и травы, ожиревшие прежде времени, Кулунда щедро вознаграждает труд хлебороба.

Пшеница и другие хлеба стоят в степи высокой, плотной стеной, сквозь которую и букашке не пролезть.

В такую пору хлебороб спешит в поле с серпом. На душе у него весна.

В степи ему все кажется необычным, приветливым, дорогим: и березовые колки, журчащие на ветру давно окрепшей листвой, и поляны с перестоявшим некошеным разнотравьем, и даже придорожные репейники, усыпанные темно-малиновыми цветами-колючками.

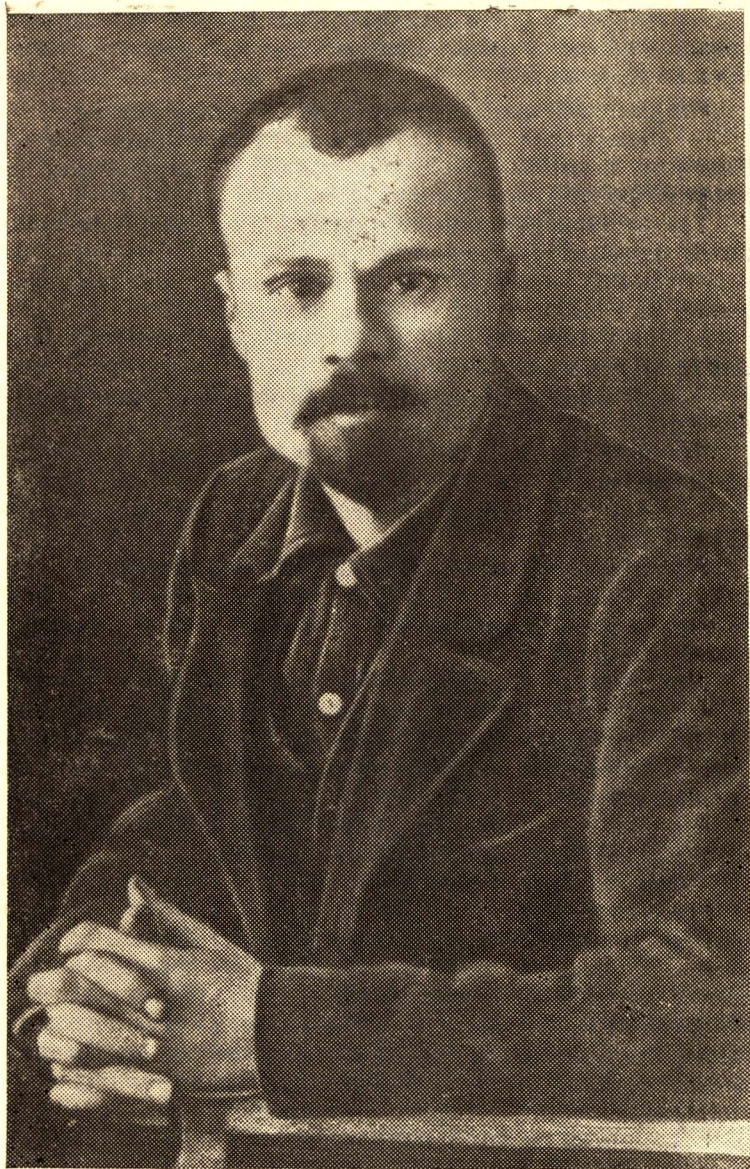
До семи потов, до нитя в костях трудится тогда хлебороб — знает, что не быть бескормицы ни ему, ни скотине в долгую алтайскую зиму с лютыми морозами, со страшной силы снежными буранами.

Кончался июль 1919 года. В побуревших хлебах с каждым днем четче проступала, расплзалась в стороны яркая желтизна.

Пришло время выборочной жатвы, а в степи происходило небывалое. Тысячи чем-то пруженных крестьянских подвод со скрипом и глухим позвякиванием растекались по пыльному проселочным дорогам.

Случалось, что на ветхих мостках через вешние промоины или овраги скапливались, сталкивались длинные обозы.

Петр Клавдиевич Голиков.

До хрипоты в голосах обозники отстаивали право первыми миновать переправы.

— Наш обоз с манахвахтурой да сахарком! От самого товарища Громова наказ получен — ехать без промедлений на Корнилову!

Вторые говорили с неменьшей запальчивостью:

— Лекарствия для партизанского госпиталя везем... Раненому подмогу ко времени подай, что цыцешнему да хворому робенку соску с молоком...

Третьи бесцеремонно подтрунивали над теми, которые везли мануфактуру с сахаром:

— Но-но! Не лягайтесь! Успеете бабам нашить сарафанов да сладкого чаю вдоволь нахлебаться!

— Да нешто для баб манахвахтура с сахаром! Для партизан ить это!

— Без штанов да на пустое брюхо с Колчаком не навоюешь!

Тогда третьи резонно, без насмешки в голосах осаживали упрямецв:

— Наш груз чуть поважнее вашего, потому нам и первая дорога!

И тотчас же срывали грубые брезенты с повозок. Там аккуратными, ровными рядками, не потеряв еще масляного блеска, лежали новенькие винтовки, не потускневшие «цинки» с патронами.

Неуловимые солнечные зайчики слепили глаза людей.

С виноватым видом и почтительно спорщики отступали, и по ребристым деревянным настилам переправ первыми с тарахтением проскакивали обозы с оружием и боеприпасами.

А спорщики, забыв недавнее, не тая восхищения в смягченных голосах, напутствовали вслед:

— Доброго пути вам. Ну жи здорово выходит! Будет чем колчаков бить!

Между тем в селе Ярках, недалеко от Камня, на собрании партизаны горячо обсуждали прошедшие события и планы на будущее. Всего 123 конника ходили в дерзкий налет на Камень. Колчаковских вояк по числу было чуть не в шесть раз больше, но паника, рожденная внезапностью налета, сделала свое. Сломя голову колчаковцы бежали.

Восемнадцать часов партизаны ходили по городу полновластными хозяевами...

В Ярках небывалое многолюдие. Здесь и каменные рабочие, что ушли из города вместе с партизанами, и несколько сот политических заключенных, которые вновь увидели свободу, и нескончаемый поток крестьян из окрестных сел и деревень.

Ораторы часто сменяли друг друга, произносили речи — корявые и неумелые, но от души.

Собрание настороженно притихло, когда стал говорить незнакомый высокий и худощавый мужчина в военной гимнастерке, застегнутой на все пуговицы и туго перехваченной кожаным ремнем.

Речь у оратора уверенная, четкая. Он чуть частил словами, мягко произносил «р».

— Товарищи партизаны! Ваш отряд под командованием Громова в бою за город Камень одержал важную и нужную для вас победу! Захвачены большие военные трофеи: сотни винтовок, много патронов, а также мануфактуры, сахару и других товаров...

В гуще партизан родился приглушенный, недоверчивый шепот:

— Кто таков?

— Видно, какой политический, а может, и партийный...

— То-то сыплет, как по-писаному, за словом за пазуху не лезет...

— Такие мастаки на разговоры, а как на деле-то...

Оратор усилил голос, стал чаще размахивать рукой, в которой держал фуражку. Слабый ветерок лениво шевелил пряди черных волос на непокрытой голове. Слова постепенно приобретали неотразимую силу и глубоко западали в души собравшихся.

— В степи дружно занялось пламя народной войны, его надо раздуть в пожар, в котором, как мотылек на пламени, сгорела бы колчаковщина!

Оратор неожиданно наклонился, взял в руки жидкий прут и со свистом разрезал им воздух.

— Один прут только бьет и бьет больно. А ежели связать сотню прутьев, то получится метла, которой можно вымести без остатка колчаковский мусор.

Сейчас необходимо восстание всемерно расширять, насаждать организованность. Для того нужен штаб — Главный военно-революционный штаб Алтайской губернии, а в районах, освобожденных от колчаковцев, —

районные военно-революционные штабы, волостные и сельские Советы.

Пусть полностью возродится наша родная Советская власть!

Какая-то неопределенность в отношении к незнакомцу сковала партизан. В головах многих копошились противоречивые мысли: «Вроде говорит про все по порядку, а что у него в печенках — попробуй узнать».

Тогда раздался голос командира отряда Громова:

— С вами говорил товарищ Голиков. Послан он к нам Томской подпольной организацией большевиков с группой товарищей. Голиков — человек крепкой революционной закалки, рабочий-наборщик, служил солдатом 39-го полка, 12-й роты царской армии, большевик с 1913 года. Был председателем гарнизонного Совета в Томске, членом Томского совдепа и его комиссаром по формированию Красной Армии, членом Томского губисполкома. Товарищ Голиков воевал против атамана Семенова начальником штаба у Лазо, затем командовал Байкальским фронтом. Позже вернулся в Томск, откуда направлен в Кольчугино, где поднял восстание шахтеров. Товарищ Голиков и посланные с ним — большая сила. Они помогут нам организовать...

Громов смолк. На открытом лице, которое венчал высокий лоб, в живых, выразительных глазах Голикова заиграла улыбка. Он снова поднял руку с зажатой фуражкой и обратился к партизанам:

— У вас есть командир боевого отряда. Начальником Главного штаба надо избрать человека, которого вы хорошо знаете и которому доверяете. Такой человек среди вас есть — начальник штаба боевого отряда Воронов Захар Семенович!

В Ярках жили несколько семей переселенцев из Тамбовской губернии по фамилии Трунтовы. Один из них — Захар, немолодой уже мужчина, за сорок перевалило, ушел к партизанам.

Стаей озлобленных волков налетели колчаковцы на Трунтовых, насмерть заporоли плетью старика — отца Захара, дотла пожгли постройки.

Тогда Захар Трунтов, чтобы ввести в заблуждение колчаковцев и обезопасить своих родственников от дальнейших расправ, стал носить фамилию Воронова, а командир отряда Мамонов — Громова.

Над головами людей дружно понеслось:

— Пра-а-виль-но говорит! За-а-хара!

— Вы-ы-ходи, Захар!

Воронов стоял рядом с Голиковым. Кряжистый, с длинными и сильными руками, он напоминал деревянный стул, надежно вкопанный в землю.

Стоял и часто, смущенно моргал глазами, разводил в стороны мощные и широкие, как лопаты, ладони.

Когда затих шум, Воронов согнал с лица растроганную улыбку и заговорил под стать своему обличью — густым, пронимающим до дрожи баритоном.

Говорил по-крестьянски — отрывисто и сбивчиво, но с тем бесхитростным юмором, который так хорошо понятен неискушенному слушателю.

— Ваша воля, товарищи... меня знаете... Слов нет... Не раз и не два колчакам понюшку табаку всыпали... Березовую кашку слезами запивали... Только грамотешка у меня — что умишка у престарелой бабки Ферапонтихи... Прошел поле, лес, до школьного коридора так и не дошел — силов не хватило...

Многие партизаны знали, что когда-то Захар своим страшным голосом заставлял дрожать церковные своды.

За то самое дьячок обучил церковного певчего грамоте — читать с великим трудом по слогам и мучительно выводить каракули на бумаге.

— Раз настаиваете — быть по-вашему, товарищи. Только мне нужна надежная подмога. Без нее я, как партизан без винтовки — «ура» кричи, а сам беги от колчаков в поляни. Предлагаю товарища Голикова...

В дружных криках партизан затерялся голос Воронова.

— Пра-а-вильно! Го-о-л-и-и-ка в штаб!

— Ентих товарищев, что с ним посланы, туды же!

Голиков улыбнулся, впервые услышав без умысла искаженную свою фамилию, которая потом прочно прижилась среди партизан. Он отчетливо уловил, что стена недоверия, отделявшая его от партизан, рухнула.

Петр Клавдиевич Голиков стал заместителем начальника Главного военно-революционного штаба Алтайской губернии, его разумом и душой.

Штаб избрал постоянную резиденцию в селе Глубоком и потому назывался Глубоковским.

В штаб избрали и Клаву Калачеву, совсем еще молодую учительницу, неутомимого связного томского большевистского подполья. Веселая и простая, она обладала ценным качеством агитатора — в самом обыденном разговоре, как бы между прочим, умела овладевать вниманием собеседника и в конечном счете заставляла соглашаться со своим мнением.

Вдобавок к этому Клава хорошо владела пером, и ее письменное слово впоследствии покоряло партизан задушевной простотой, глубоким политическим содержанием.

Калачевой поручили руководить агитационно-информационным отделом Главного штаба.

Активными работниками штаба стали и другие посланцы томских большевиков. Керенский-Гужов возглавил разведку, а Хорошевский стал комендантом штаба. А. Калачев занял место в боевых рядах партизан, Голикова Мария была незаменимым техническим работником штаба.

После памятного собрания в Ярках Голиков по заданию штаба написал воззвание к населению с призывом множить ряды борцов против Колчака. Штаб разослал готовое воззвание в села и деревни и решил провести съезд крестьянских депутатов в Ярках 10—12 августа 1919 года.

В тот день, когда делегаты от крестьян Каменского и Барнаульского уездов уже съезжались, Воронов заговорил со своим заместителем захлебывающейся скороговоркой:

— Ну и заварили мы, товарищ Голик, кашу—густую, невпроворот!

Голиков вначале не понял — встревожен чем-то или радуется начальнику штаба.

— А что, Захар Семенович?

— Как что! — Воронов поспешно извлек из карманов брюк свернутый вчетверо лист бумаги. — На, читай!

Перед глазами Голикова поплыли строгие машинописные строчки:

«Главный военно-революционный штаб Алтайской губернии.

Товарищи-братья!

Деспотическому, кровавому правительству приходит конец.

Клавдия Александровна Калачева.

Терроризированное расстрелами, порками и беспре-
рывным насилием белых трудовое население Сибири по-
всюду восстает против своих угнетателей...

Трудна наша борьба, но надеяться не на кого. Никто
не устроит нам счастья, кроме нас самих...

В эти дни великого народного восстания революцион-
ными отрядами избран Главный военно-революционный
штаб Алтайской губернии.

Этот штаб принял на себя всю полноту военной и
гражданской власти в местностях, освобожденных от
белых.

Заявляя об этом, Главный штаб торжественно обещает
всему трудовому населению Алтайской и смежных губер-
ний, что главной его целью является восстановление
истинно народной Советской власти.

Во всех своих действиях штаб будет руководствоваться
декретами центральной Советской власти — Совета
Народных Комиссаров всей России.

Товарищи и братья! Час освобождения близок. Все к
оружию! Все на борьбу! Создавайте свою революцион-
ную дисциплину, выполняйте распоряжения штаба и его
уполномоченных.

Да здравствует революция!

Да здравствует революционный трудовой народ!

Смерть и гибель буржуазии и ее приспешникам!»

Закончив чтение, Голиков спокойно сказал:

— Это наше воззвание.

Воронов сорвался с места.

— Наше-то наше, только на той бумаге мужицкой
рукой приятная добавка нацарапана!

Голиков на обороте воззвания прочитал:

«Плотовское сельское собрание порешило всем миром,
чем только можно, оказывать всяческую поддержку
Главному штабу.»

Голиков удовлетворенно заметил:

— Кашу заварили и впрямь густую, не иначе, как
колчаковцы поперхнутся!

...По селу проходили густые толпы людей.

Воронов кивнул головой на раскрытое окно:

— То крестьянские делегаты на съезд тянут, товарищ
Голик! Иные села по десятку и более делегатов послали.

Комиссия по подготовке съезда в составе Голикова,
Маздрина, Калачевой, Клевцова и Скибы не только

регистрировала прибывающих делегатов, размещала их по квартирам, но и долго беседовала с ними, чтобы узнать настроение крестьян.

Голиков выступил на съезде с докладом о текущем моменте, который заключил словами:

— Пусть народ Сибири знает, что, несмотря на карательные действия колчаковского командования против Советской власти, Советская власть существует и будет существовать в Сибири в лице Западно-Сибирского исполкома Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов!

Делегаты долго, с крестьянской дотошностью расспрашивали докладчика о планах народного восстания, а затем сами в скупых словах выражали единодушное мнение, что Советская власть для них нужнее воздуха.

Съезд вынес решение — немногословное, но содержательное — о развертывании массового вооруженного восстания против Колчака, о создании районных военно-революционных штабов там, где изгнаны колчаковцы, и центрального органа Советской власти Западной Сибири — областного исполкома.

На районные штабы возлагалась вся военно-политическая, военно-хозяйственная работа в пределах своих районов, руководство волостными и сельскими Советами и военными комиссарами при них.

Клаве Калачевой поручили написать обращение к крестьянам от имени съезда. Писать приходилось в минуты, свободные от работы съезда: в перерывы, вечерами. На лице Клавы появились признаки озабоченности: хотелось написать обращение так, чтобы каждого, кто прочтет его, охватывала лютая ненависть к колчаковским наильникам.

Обращение редактировал Петр Клавдиевич. Он то сосредоточенно хмурил брови, то оттаивал в улыбке и в заключение сказал:

— Молодец, Клава! А вот здесь надо написать по-другому, чтобы доходчивее, ближе было для крестьян.

Обращение зачитывала делегатам съезда Калачева. Ее высокий, звонкий голос овладел вниманием слушателей.

«...Сплошной стон несется к нам с полей Сибири.

Черная, контрреволюционная свора, захватив власть

в свои руки, постаралась задавить бедный трудовой народ в железных руках кулака, выпивая последние капли крови...

Трудовой народ повсюду восстает.

Он понял, что белая власть уничтожит все, что мы достигли при помощи революции.

Товарищи и братья! Долго ли еще мы будем молчать?

Встанем все, как один! Встанем же в ряды борцов против своих угнетателей.

Черная реакционная стая убивает наших сыновей и братьев, насилует жен и дочерей, сжигает села и деревни, уничтожает крестьянское добро, нажитое тяжелым трудом...

Призываем вас, дорогие товарищи, на защиту трудящихся, на защиту самих себя...

Да здравствует народное восстание!

Да здравствует народная Красная Армия!

Да здравствует власть Советов!»

Призывы обращения утонули в гуле, громких выкриках делегатов:

— Правильно написано!

— Слова к душе прикипают!

— Даешь Советскую власть!

Один за другим делегаты получали листы с текстом обращения и прятали в самые потаенные застрехи группой крестьянской одежды.

Они разъезжались в свои села с твердой убежденностью в успехе народного восстания.

Вслед за ними выехали и уполномоченные Главного штаба, чтобы создать на местах органы революционной власти.

Голиков уверенно обнадежил членов штаба:

— Теперь, товарищи, пламя в степи наверняка перерастет в буйный пожар!

Первый большой успех в работе Главного штаба был налицо. При штабе образовалась группа большевиков: Голиков, Калачева, Скиба, Маздрин, Клевцов и др. Формально группу нельзя было назвать партийной организацией в полном смысле, но ее практическая работа под руководством Голикова стояла на высоком организационном, идейно-политическом уровне, явилась основой успеха в борьбе за крестьянскую массу.

2. НА ПУТЯХ К ОРГАНИЗОВАННОСТИ

Сельские сборни гудели от людских скопищ. В глубоком тылу Колчака во многих селах Барнаульского и Ново-Николаевского уездов, пожалуй, никогда не бывало такого оживления.

Жаркие споры занимались на сходах.

Одна часть крестьян, а таких было подавляющее большинство, вдоволь натерпевшись издевательств колчаковцев, голосовала за создание Советов. Другая часть, что позажиточнее, присматривалась и выжидала, в чью сторону сильнее подует ветер. Третья составляла меньшинство, но открыто ратовала за Колчака и старалась найти сторонников среди односельчан.

О волю большинства разбивалось упорство почитателей колчаковщины, и Советы возрождались.

Петр Клавдиевич с головой окунулся в стихию безустальной, всепоглощающей работы: ездил уполномоченным Главного штаба в села, а возвращаясь в Глубокое, всесторонне обсуждал с товарищами самые сложные и злободневные вопросы народного восстания.

В конце августа 1919 года Главный штаб на очередном заседании подвел итоги кратковременной, но напряженной и содержательной работы. Уполномоченные и члены штаба в немногих словах рассказали о своих поездках в села.

Петр Клавдиевич взволнованно говорил в заключительном выступлении:

— Всех нас, собравшихся, радуют хорошие вести. И небеспричинно, товарищи! Сделан очень важный шаг по пути к организованности. Только что созданные районные военно-революционные штабы, волостные и сельские Советы сыграют свою роль в стремительном развитии народного восстания. Наши успехи — первая ласточка в советском строительстве! Впереди много трудной и сложной работы, и нам не пристало успокаиваться достигнутым.

Заседание утвердило 11 районных военно-революционных штабов: Ялковский, Нижне-Пайвинский, Баевский, Кривинский, Решетовский, Долганский, Леньковский, Усть-Мосихинский, Тюменцевский, Кипринский, Овечинский. Каждый из них объединял несколько волостей.

По предложению Голикова Главный штаб послал

предписания районным штабам о проведении таких неотложных и важных военно-революционных мероприятий, как сбор огнестрельного оружия и различных пожертвований у населения в пользу народной армии, создание вооруженных отрядов добровольцев, мобилизация мужского населения в местные команды по охране сел, разведка и связь, помощь семьям добровольцев и мобилизованных, а также лицам, полностью занятым на общественных работах, реквизиция скота, продовольствия.

Крестьянская беднота дружно повалила в народную армию, как тогда называли партизанские отряды. Главный штаб еле успевал регистрировать новые отряды — росли они, как грибы после дождя.

Каждое село создавало свой отряд, со своим командиром. Вооружались, чем только можно, — самодельными пиками, вилами, топорами.

Отряды, в которых имелось несколько дробовиков и особенно одна-две винтовки да столько же револьверов, выделялись в боевые и им поручались самые ответственные задания по охране сел от налетов колчаковских карателей.

Внимательно просматривая списки «товарищей солдат-добровольцев и мобилизованных», представленные районными штабами, Голиков заметил членам Главного штаба:

— Есть села, где ни один запасной унтер не вступил в ряды народной армии, которая нуждается в людях, знакомых с военным делом. В тех селах необходима мобилизация.

Долго судили-рядили, кому проводить мобилизацию унтеров. Тогда Голиков предложил:

— Я считаю, что лучше всех справится с этой трудной и ответственной работой товарищ Воронов, как человек авторитетный и хорошо знакомый крестьянам.

Воронов часто замотал головой, замахал перед лицом руками, будто хлебнул горячего, с огонька чаю, стал отнекиваться:

— И без того у меня делов уйма! Для разговору с теми унтерами не язык, а острый плотницкий топор во рту надобно иметь, а у меня язык — балда дубовая. По дереву трахнет без вреда и отскочит...

Голиков полушутливо заметил чуть смеющимся голосом:

— Иное дерево, особенно трухлявое, подручнее повалить балдой, чем острым топором. Топор вязнет в трухе, как сапог в болотной тине, а от удара балдой дерево в крошку рассыплется!

Дня через три Воронов возвратился из поездки по селам. Как он ни старался, а не мог спрятать довольной улыбки на лице, заросшем густой, жесткой щетиной, в которой проглядывали редкие блестящие седины.

— Ну и дела, товарищ Голик! Хозяева, что побогаче, едва портки с меня не стянули! Отвечай, говорят, Захар, с какого это потолка беды на наши головы падают... Хлеб отдай, скот отдай, овчины с кожами туды же... А я им в ответ-то: не по моей части, езжайте в Главный штаб, там сообща и разберемся!

Воронов загадочно засмеялся, Голиков нетерпеливо перебил его:

— А как с мобилизацией?

— Спасибо, товарищ Голик! Стукнул с плеча своей дубовой балдой — отцепились унтеры от бабьих юбок, до единого ушли в отряды! Стал быть, успешно прошла мобилизация-то!

На другой день в Главный штаб явилась большая делегация крестьян окрестных деревень — мужики без мала все в годах, степенные, те, которых на сельских сходках почитают за мудрые советы.

Воронов бегал по двору, отмахиваясь от пришельцев, как от назойливых мух, громко кричал:

— Я же говорил вам, что это не по моей части. К товарищу Голику валите! Он так все обскажет, что без малейших претензий разойдетесь по домам!

...Петр Клавдиевич терпеливо выслушивал высокого старика, наряженного в белоснежную рубаху, расшитую шелковыми завитушками, обутого в добротные бизоновые сапоги, которые раньше носили по торжественным дням немногие волостные старшины.

— Доколь, товарищ Голик, измываться над мужиком будут! Колчаки брали, своя власть берет... Еквизация какая-то по селам ходит, хлеба, мяса просит, а где взять-то? Отощали мужики от поборов...

Голиков взглянул на румяное, почти без единой складки лицо собеседника. От еле уловимой улыбки дрогнули уголки губ.

Старик понял, что дал промашку, поправился:

— Не о себе ить — об обществе пекусь!

Голиков неожиданно спросил:

— Как прозываешься-то?

Старик справился с коротким замешательством, медленно ответил:

— Савелий... по отцу Прохорыч...

Петр Клавдиевич взобрался на обрубок дерева, чтобы видеть всех мужиков, и завел ровный, спокойный разговор:

— Давайте, мужички, рассудим, что к чему. Вот Савелий Прохорыч жалуется, что новая власть мужика реквизицией замучила. А новая власть только-только на свет народилась. На реквизированное имущество Главный штаб расписки выдает, чтобы позже уплатить за него.

— Кто это платить-то будет? Брехня! На том свете угольками сполна получим!

Голиков повысил голос, заглушая злобный выкрик Прохоровича:

— Российская Красная Армия теснит Колчака за Урал. Недалек час, когда она с нашей помощью похоронит колчаковщину. За реквизированное имущество будет рассчитываться Советская власть, для которой интересы народа превыше всего! Колчак замедает в ваших сусеках последнюю пыль, села сжигает, плетью угощает. Главный штаб берет у вас взаймы продовольствие, скот для вашей же пользы, чтобы избавиться от Колчака. Вот и смекайте, мужички, что такое реквизиция!

Савелий Прохорович вплотную подступил к Голикову. Прежней важности и степенности на лице, сдержанности в разговоре, горделивой осанки в фигуре как не бывало. Он сыпал словами, как горохом в решето, бестолково суетился, пытался отстоять свое мнение.

— Все в целости Колчак оставил! Палки даже не пожег!

Наперебой заговорили другие делегаты:

— Э-э, Прохорыч, напраслину загибаешь!

— У меня колчаки хлеб до зернышка выгребли, за то, что не давал, амбарушку спалили да плеткой спину расписали...

— У меня дом подожгли, самогону требовали, спасибо соседям — помогли пожар унять!

Вперед протиснулся крестьянин, с виду ровня по го-

дам Прохорычу, но с лицом, густо исхлестанным морщинами, глубокими, как шрамы от плетей, с мочальной свлявшейся бородой. Обернулся лицом к товарищам, сжал в кулаки корявые и неуклюжие пальцы, похожие на старые корневища, и заухал глухим басовитым голосом:

— Я так смыслю... Ежели Главный штаб берет взаймы, то и супротивничать не к чему. Колчак возвратится — все заберет и села пожжет... Я так смыслю, что больше не надо пускать Колчака к нам, надо народную армию крепить... А Прохорыч не туда тянет. Ему енту еквизацию исполнить, что в полыни по нужде сходить. Одной земли имеет десятин с полсотни да скота всякого голов семьдесят, машин... Говорится, у богатого и грош из карману зря не выкатится, застрянет, так и есть на самом деле!

На этот раз делегаты загудели дружнее и громче:

— Правильно говорит Егор!

— Пусть будет еквизация, с отдачей только!

— Расписки чтобы были, а не просто так!

— Взаймы дать — не подарить!

Когда выкрики смолкли, Голиков предложил:

— А сейчас прошу поднять руки, кто за реквизицию для народной армии... Так... Так... Хорошо! Кто против?

Вверх несмело поднялись несколько рук, первая Прохорыча.

— Что ж, товарищи, на этом закончим наш разговор, желаю каждому счастливо потрудиться в своем хозяйстве, — сказал Голиков и добавил громко: — А за поддержку Советской власти вам большое спасибо от имени Главного штаба!

После того в Глубокое и другие села по указанию Главного штаба непрерывным потоком потекли обозы с реквизированным продовольствием, кожами, овчинами, а за ними — толпы добровольцев, из которых формировался боевой маршевый батальон. Командир особого отряда Иван Шумский отбирал в него самых рослых добровольцев, и, конечно, тех, которые имели огнестрельное оружие.

В эти дни Клава Калачева осталась за секретаря Главного штаба и во всех предписаниях, возваниях штаба подписи Воронова и ее стояли рядом.

Прочитав как-то возвание о помощи населению Ярков, в котором колчаковцы во время налета сожгли шестьдесят дворов, Воронов тепло сказал Клаве:

— Чувствительно написано! Я, Клаша, не раз и не два за эти дни и не одно спасибо в мыслях посылал томским большевикам за хорошее подкрепление... Сам-то я беспартийный, а людей насквозь вижу. К примеру, хотя бы товарищ Голик...

При виде вошедшего Голикова Воронов встал и, не смущаясь, шумно выпалил недосказанное:

— Вот, к примеру, хотя бы товарищ Голик — голова! Поздравляю: продовольствия по реквизиции на целую армию хватит!

Улыбаясь, Голиков заметил:

— И командиров тоже на целую армию хватит! Остановка за созданием настоящей народной партизанской Красной Армии...

Еще раньше по степи летала крылатая молва о дерзких налетах лихих кавалеристов-партизан на колчаковские гарнизоны, разбросанные по селам Славгородского уезда, на земские управы. Партизаны были неуловимы, и командовал ими Ефим Мамонтов, человек большой военной смекалки и безмерной личной отваги.

Громов не раз встречался с ним. Сами собой начинались разговоры об объединении отрядов, но командирам так и не удалось договориться до чего-либо определенного.

Отряды тесно взаимодействовали: когда туго приходилось Громову, Мамонтов совершал самые дерзкие вылазки и отвлекал на себя колчаковцев, и наоборот.

Летом 1919 года отряды Мамонтова и Громова держали под своим контролем часть территории Алтайской губернии поперечником в двести пятьдесят верст.

— Если объединить отряды—большая сила получится, — сказал Голиков Громову и Воронову.

Громов вспомнил в мелочах последнюю встречу с Мамонтовым, который после недавней удачной операции против колчаковцев находился в самом хорошем расположении духа. Ефим Мефодьевич, против обыкновения, много говорил, шутил. Улыбка придавала его лицу женственную мягкость, за которой плохо узнавался боевой командир. Когда речь зашла об объединении, на лице Мамонтова не нашлось места ни одному из чувств, кроме восторга — искреннего и по-мальчишески непосредственного:

— Это просто здорово, Игнатий!

Громов заговорил со своими собеседниками о том, что казалось ему не совсем понятным:

— Ефим Мамонтов за объединение. А воз, как говорят, и поныне там... То Ефима, то нас с головой захватит перепалка с колчаками. Иногда кажется, что до объединения всего один шаг, а нет, не выходит: появляются людишки, что придерживают Ефима за обе полы, нашептывают на самое ухо: у Громова, мол, одно название, а не партизаны, одна дубина на десять человек...

Громов было смолк, потом взволнованно сказал Воронову:

— Слов нет, — у Мамонтова орлы настоящие, вооружены не бедно! А у нас, Захар, не молодцы ребята, что ли? В Камне-то какую баню устроили колчакам!

— Тем более объединяться впору, когда сам Мамонтов не против, — заметил Голиков, — а с оружием после Камня и у нас дела малость поправились. Момент подходящий выбрать надо и снова к Мамонтову делегата послать. Я уверен в успехе переговоров...

Такой момент наступил скорее, чем можно было ожидать.

Весь август 1919 года на юге Барнаульского уезда полыхал пожар народной войны против колчаковщины. Его очагом и центром явилось село Зимино, где неумоимо работала подпольная большевистская организация. В ее составе были не только большевики, петроградские рабочие-металлисты, местный учитель Федор Архипов, но и крестьяне, сочувствующие Советской власти.

По зову Зиминской организации во главе с Гавриилом Ивкиным поднялись крестьяне 96 сел, восстание охватило территорию в 40 тысяч квадратных верст и докатилось до казачьих станиц в предгорьях Алтая.

Колчаковское военное командование оцепило район восстания плотным кольцом войск, но вооруженный отряд повстанцев в две тысячи человек прорвал блокаду у села Зеркальского и соединился с отрядом Мамонтова.

Мамонтов стал главнокомандующим объединенными силами, а Архипов — начальником вновь созданного Главного штаба Алтайского округа (Солоновского — по месту нахождения в селе Солоновке Волчихинской волости).

Голиков от души радовался объединению двух круп-

ных повстанческих отрядов и говорил членам Главного штаба:

— Сама жизнь подтверждает правильность установки нашей партии о создании крупных партизанских соединений с единым централизованным командованием, штабом. Дело за нами, товарищи!

Голикову поручили выработать наказ, в котором были изложены основные политические условия объединения и цели борьбы.

Наказ вскоре был готов и считал возможным объединение только при условии борьбы за Советскую власть, за иеи Третьего интернационала.

Районные военно-революционные штабы, количество которых увеличивалось, волостные и сельские Советы строго и неуклонно насаждали новые революционные порядки.

Голиков возглавил всю работу по созданию высшего органа Советской власти повстанческой территории и предложил назвать его «Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов».

— Почему Западно-Сибирский? — спрашивали члены Главного штаба.

— Потому, — отвечал Голиков, — что мы должны расплескать волны народного восстания по всей Западной Сибири, создать везде Советы, которыми будет руководить областной исполком.

В один день Голиков с членами Главного штаба подготовил два предписания районным штабам: о мобилизации врачей и фельдшеров и о выборах депутатов от селений на крестьянский съезд.

Первый документ родился без особых трудностей, над вторым же долго и обстоятельно думали.

Кто-то из членов штаба предложил созвать съезд в Леньках, месте, более безопасном от внезапных налетов колчаковцев.

— Правильно, — согласился Голиков, — и предложил норму представительства на съезд: от селений менее чем в пятьсот дворов, — один делегат, — от остальных — два.

— Сложность обстановки требует соблюдения некоторой тайны проведения съезда, о месте съезда делегаты узнают лишь тогда, когда явятся в районные штабы за

получением мандатов. Каждый делегат должен иметь на руках письменный наказ от сельского схода.

К ранее высказанным предложениям — своим и членов Главного штаба — Голиков внес существенное дополнение:

— Желательно избрать на съезд делегатов и от тех селений, в которых нет Советской власти, с тем, чтобы успешнее развивать народное восстание... Надо известить о съезде Главный штаб Алтайского округа и предложить провести выборы делегатов.

Голиков на предписании проставил не только число, месяц и год, но и часы его выпуска, подчеркнув тем самым важность и необходимость срочных выборов.

В районные штабы помчались нарочные: до открытия съезда оставалось всего пять дней. Обратное они возвращались с утешительными известиями: сельские сходы дружно и охотно выбирали делегатов, составляли объемистые и содержательные наказаы, в которых выражали готовность бороться за Советскую власть.

Огорчало одно — Главный штаб Алтайского округа отказался участвовать в работе съезда в Леньках и решил созвать свой съезд — в селе Вознесенском.

В эти дни Голиков узнал имена людей, которые «держат Ефима за обе полы».

Мамонтов, постоянно поглощенный боевыми операциями, не замечал, что в Главном штабе Алтайского округа шла ожесточенная борьба между эсером Романовым, который громко именовал себя «комиссаром всей армии», его сторонниками и большевиками — членами штаба во главе с Архиповым.

— Как же так?.. Выходит, два съезда—две власти...— недоумевая, разводил руками Воронов.

— Да, два съезда,— подтвердил Голиков и пояснил:— Но съезд в Леньках более представительный. За спинами четырехсот делегатов стоят многотысячная крестьянская масса. Можно безошибочно сказать, что рано или поздно Главный штаб пошлет своих представителей для работы в областном исполкоме, который изберет съезд в Леньках...

Голиков и другие члены штаба несколько дней провели в напряженной работе: готовили резолюции, обращения, приветствия, которые надлежало рассмотреть и принять на съезде.

Агитационно-информационный отдел Главного штаба в эти дни работал по-боевому. Больших трудов стоили сборы сведений о боевых действиях разбросанных по степи партизанских отрядов, чтобы сообщить о них в специальных информационных листках населению.

Глядя на осунувшееся, но не потерявшее веселого задора лицо Калачевой, Голиков одобрял:

— Крепись, товарищ Клавдия! Слово агитатора, теплое и задушевное, — грозное оружие в борьбе против Колчака. Перед съездом, как никогда раньше, необходимо донести до трудового крестьянства идеи Советской власти, просто и доходчиво рассказать о народном восстании. Впрочем, я помогу отделу...

И Голиков, при всей занятости, не медля и минуты, сел за воззвание, которое озаглавил: «На борьбу с врагами народа». Воззвание венчал эпитафия: «Безумству храбрых поем мы песню». В тон горьковским словам звучали взволнованные строки, проникнутые пафосом революционной борьбы народа против колчаковской нечисти.

«В это великое время редкий не герой. Сколько было случаев, когда какая-либо деревня, окруженная со всех сторон белыми бандитами, не только не терялась, но эта самая близкая опасность еще больше воодушевляла людей, делала поголовно всех героями. Селение от мала до велика высыпало за околицу на защиту себя и на защиту семейств...»

Голиков назвал села Баево, Парамоново, Ярки, Черемшанку и другие, население которых показало отвагу и упорство в боях против колчаковцев, и в конце воззвания выразил твердую уверенность в окончательной победе восставшего народа.

«Близок час избавления... Будет жив и счастлив трудовой народ. Вся нечисть уйдет от жизни. Близок рассвет. Солнце правды и счастья уже показывается из-за гор трупов и морей крови!»

Вместе с информационным листком № 9 Главного штаба воззвание облетело немало сел.

Многие делегаты при явке в районные штабы приносили воззвание как близкий и дорогой для сердца документ.

В тот же день Голиков предложил членам Главного штаба:

— Считаю, товарищи, что момент для объединения

Глубоковского и Солоновского штабов — самый подходящий. В одно и то же время будут решены два самых сложных, наболевших вопроса — о создании центрального органа Советской власти повстанческой территории и единой партизанской армии.

Члены Главного штаба в один голос назвали фамилию уполномоченного для ведения переговоров:

— Захар Воронов!

— Он начальник штаба, ему и ехать на этот раз в Солонку!

— Авось, с доброй весточкой вернется!

Внешне Воронов к новой миссии отнесся без видимых признаков недовольства, но в душе огорчился, что уезжает в самый канун съезда.

В плотно затянутом крестьянском сермяжном армяке Захар надежно спрятал важный политический документ — наказ Главного штаба, написанный Голиковым.

3. ЕСТЬ ОБЛАСТНОЙ ИСПОЛКОМ!

В большое степное село Леньки сходились многие дороги. Так получалось, что к Ленькам тяготели и более крупные села, разбросанные по Кулундинской степи, убежавшей на западе к Славгороду, и те, что лепились к кромке Кулундинского ленточного бора.

Бойким местом считались Леньки, и недаром здесь обосновалось отделение кредитного товарищества. Дом товарищества — кирпичный, двухэтажный, вместимостью не в одну сотню человек — по сравнению с остальными выглядел внушительно. На нем — невиданные для села украшения: по крыше протянулся парапет из легкого прутowego железа, под навесом крыши — зубчатый кирпичный карниз, а по бокам, сверху вниз, до основания первого этажа падали пилястры в виде отдельных квадратов-выступов, или «сухариков».

Случалось, что проезжий расспрашивал про дорогу в другое село. Тогда любой житель Леньков говорил в ответ неизменное:

— Вон дом кредитки... ентот, что выше всех... если от него забрать вправо аршин с сотню, то как раз и та дорога начнется...

В прохладный сентябрьский день дом гостеприимно распахнул все двери для делегатов съезда.

В Леньках невиданное оживление: одних делегатов съехалось четыреста человек, кое-кто из них прихватил домочадцев, односельчан, которые, пользуясь случаем, решили навестить родственников, знакомых или просто поглазеть на то необычное, что происходило в селе во время съезда.

Ровно в двенадцать часов дня 9 сентября 1919 года в зале кредитного товарищества, со сцены—наспех сколоченных, обширных деревянных подмостков — торжественно прозвучал голос Петра Клавдиевича Голикова:

— Товарищи! От имени Главного военно-революционного штаба Алтайской губернии разрешите считать открытым съезд крестьянских делегатов селений, восставших против власти Колчака!

От шквала приветственных возгласов, криков и аплодисментов мелко и часто задребезжали оконные стекла, как в ознобе, задрожали стены, которые в прошлом слышали лишь размеренные и сдержанные деловые разговоры. Из раскрытых дверей здания шум вырывался наружу и вносил заметное оживление в густые толпы людей, заполнивших двор и улицу.

Прежде чем приступить к рассмотрению повестки дня, съезд единогласно наделил правами решающего голоса членов Главного штаба и представителей Томской организации большевиков.

С новой силой закипел зал, когда начались выборы президиума съезда. Делегаты наперебой называли фамилии кандидатов. Чаше других слышалось:

— Товарища Голикова!

— Го-о-о-лика!

...Один за другим на сцену поднимались представители боевых отрядов, большевистских организаций Томска, Усть-Мосихи, отдельных сел, Солоновского штаба, организации интернационалистов-мадьяр.

Они горячо приветствовали съезд, выносили глубокую благодарность Главному военно-революционному штабу Алтайской губернии за его плодотворную работу.

Явилась и делегация рабочих, занятых на подготовительных работах по строительству Южно-Сибирской железной дороги.

— От имени рабочих-строителей разрешите приветствовать съезд трудового крестьянства, восставшего против Колчака, и просить считать нас равноправными делегатами настоящего съезда...

По залу покати́лась неумная людская разноглаголица:

- Какие там еще рабочие!
- Съезд-то нашенький, крестьянский!
- Кто Колчаку по зубам-то давал!

Глава делегации рабочих, человек средних лет, интеллигентный с виду, растерянно улыбался и сквозь стекла очков косил смущенными глазами на членов президиума.

Тогда Голиков обратился к делегатам и пояснил:

— Товарищи! Труд делает рабочего и крестьянина братьями. Это братство укрепляет совместная борьба против угнетателей. Не принять в нашу семью рабочих — значит, отказаться от союза с ними, ослабить народное восстание. От имени президиума вношу предложение удовлетворить просьбу рабочих и избрать представителя на Вознесенский съезд.

Таким образом, небольшая заминка в работе съезда была устранена.

Члены президиума встали. Чуть опустив голову, Голиков скорбным голосом произнес:

— Товарищи! Прошу почтить вставанием память тех, кто пал в борьбе против Колчака, в борьбе за Советскую власть...

Шорох встающих на ноги людей нарушил в зале наступившую тишину. Кто-то запел, к нему сразу же присоединились десятки других, и в зале впервые послышались слова похоронного марша:

— Вы жертвою пали
В борьбе роковой...

Многие пели, не зная слов, на ходу подлаживаясь под незнакомую мелодию, которая, при всей нестройности голосов, звучала все же торжественно-траурно. В пении улавливалось главное — ритм биения сердец, родство сотен душ, находившихся во власти неотразимого человеческого чувства — скорби.

И вдруг в мелодию марша влилась другая, поднимающая дух борцов, настойчиво зовущая на новые битвы.

Вскоре новая мелодия заглушила марш, захватила всех, кто находился в зале, и каждый из них сейчас считал себя воином, который крепко сжимал в руках винтовку перед атакой — такова была сила бессмертной марсельезы...

Одиннадцать вопросов рассмотрел съезд. По главным из них — о текущем моменте, выборах Западно-Сибирского исполкома Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, о военном вопросе — доклады делал Голиков. Глубокая политическая содержательность, ясность целей, поставленных перед делегатами, простота изложения мыслей обеспечили единодушное и быстрое принятие по докладам коротких, четких решений.

Голиков зачитал полный текст резолюции по текущему моменту:

«Являясь представителями всей массы трудящихся восставших местностей Алтайской губернии, съезд крестьянских депутатов Каменского, Барнаульского, Ново-Николаевского и Славгородского уездов, выявляя волю избирателей, выносит:

1. С властью буржуазии и ее армией бороться, напрягая все силы и мощь, до полной победы;

2. Восстановить в восставших местностях истинную народную власть, власть трудового народа — Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которая только в состоянии уничтожить государственную разруху и наладить общественную жизнь;

3. На борьбу с буржуазией призвать все население, способное носить оружие.

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует РСФСР!

Да здравствует народная Красная Армия!

Да здравствует Коммунистический интернационал!»

Резолюция, принятая единогласно, точно определила политическую платформу съезда, цели и задачи народного восстания.

Съезд внес дополнение к резолюции, которое могло помочь делегатам в работе среди населения:

«От имени съезда выпустить воззвание ко всему крестьянству с призывом к восстанию, а также мобилизованным солдатам. Составление воззвания поручить президиуму съезда». Здесь, за столом президиума, Клава Калачева писала воззвание.

Перед окончанием работы съезда Голиков предоставил внеочередное слово начальнику Главного штаба Воронову, который только что приехал.

В предчувствии чего-то интересного делегаты затихли. В настороженную тишину неожиданно вторгся громкий стук железных колес, катившихся по дощатому полу. На самый край сцены быстрыми шагами вышел согнувшийся Воронов и стремительно развернул хобот пулемета «Максим». По залу прокатился сдержанный шепот.

Голиков, улыбаясь, поднял руку и успокоил недоумевавших делегатов:

— Без паники, товарищи! Пулемет этот — подарок Солоновского штаба Глубоковскому. Об остальном расскажет товарищ Воронов!

Воронов, не скрывая восторга, рассказал о боевом успехе партизан Мамонтова в бою с колчаковцами под Мельниково 8 сентября 1919 года.

— Рано утром партизаны окружили колчаков с трех сторон, а четвертую, что между озер, свободной для прохода оставили! Перепуганные колчаки, как бараны, кинулись в отдушину и, стало быть, напоролись на пулеметную засаду партизан. Ну и пошла писать деревня! Только в плен попало двести колчаков да не меньше в царство небесное вознеслось! Шесть пулеметов, два воза винтовок да шестьдесят тысяч патронов досталось партизанам. Командир колчаков полковник Окунев, сказывают пленные, в одном сапоге и исподнем белье бежал из Мельниковой!

Зал, казалось, взорвался от неудержимого смеха. Со всех сторон понеслись колкие шутки:

— Поди полковник-то оставил на кусту подштанники воронам на закуску!

— Второй сапог сюды бы напоказ принесть для партизанской моды!

— С песнями колчаки в Мельникову входили, а удрали с изжеванными языками!

Голикову, наконец, удалось восстановить порядок в зале, и Воронов продолжал:

— То не все, товарищи делегаты. Сила огромная против колчаков собирается, потому как Солоновский штаб порешил объединиться с Глубоковским...

Делегаты съезда, боясь проронить слово, слушали протокол заседания Солоновского штаба:

«...по первому вопросу: о соединении главных штабов при всестороннем обсуждении постановили: слиться главным штабам Солоновскому и Глубоковскому в один Главный штаб крестьянской Красной Армии Алтайского округа.

Для создания этого органа каждый из упомянутых штабов должен командировать своих представителей по 10 человек, которые, собравшись в определенное место, выбирают из среды своей представителя и, распределивши всю работу по отделам, приступают к таковой.

По второму вопросу решили: оставить все действующие отряды на своих местах.

Начальник Главного штаба
Секретарь

— АРХИПОВ
— ЗИНОВЬЕВ».

Голиков знал от Воронова, что Солоновский штаб принял решение в отсутствие Мамонтова и Богатырева, что «комиссар всей армии» будет вставлять палки в колеса, и вместе с тем разделял радужные настроения делегатов съезда. Формальная сторона дела в будущем могла в какой-то степени явиться опорой в борьбе с противниками объединения.

Добрые вести, привезенные Вороновым, радовали всех участников съезда, воодушевляли их на борьбу...

По докладу Голикова об организации областного органа Советской власти была принята резолюция:

«Образовать Западно-Сибирский областной исполнительный комитет Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, которому вручить всю полноту власти».

Для выработки положения об исполкоме съезд утвердил комиссию из пяти человек.

Дружно прошли выборы исполкома. Это особенно заметно при открытом голосовании, когда, после оглашения фамилии очередного кандидата, в зале рождался короткий шорох, над головами вырастал густой лес рук.

Для удобства и легкости произношения исполком сокращенно называли «облакомом».

В него вошло 14 человек, в числе которых были Голиков, Воронов, Клевцов, Калачева и некоторые другие члены Главного штаба.

Председателем Облакома стал Петр Клавдиевич Голиков...

Время приближалось к полуночи. При красном свете немногих керосиновых ламп по стенам скользили тени,

уродливо длинные, черные, как беспросветное осеннее небо ночью. Порой тени сливались в одно сплошное пятно, и тогда пламя ламп казалось похожим на лесные светлячки, которые светят, но не греют.

Шли последние минуты заседания съезда.

Голиков выступил с коротким заключительным словом, в котором еще раз призвал делегатов по приезде на места широко развернуть творческую революционную работу:

— Успех борьбы против Колчака полностью зависит от жизнеспособности Советов, от нас с вами. Все Советы — от областного до сельского — должны твердо и неуклонно проводить в жизнь революционные мероприятия, только тогда Советской власти будет обеспечена полная поддержка рабочих, трудящегося крестьянства.

Ровно в двенадцать часов ночи 10 сентября 1919 года Голиков закрыл съезд.

Утомленные, не привыкшие просиживать время на заседаниях, делегаты, однако, не спешили покинуть помещение. Многие задавали членам президиума вопросы, касавшиеся устройства и работы Советов, распределения и пользования земель, отношения к сельским богатым. На другой день запылили дороги, паутинкой растекавшиеся в разные стороны: делегаты разъезжались по родным селам. В кармане у каждого похрустывала необмятая бумага с машинописным текстом воззвания к населению о всеобщем восстании.

Мягко катились колеса по колеям хорошо наезженных, еще не раскисших от осенней непогоды дорог, бесшумно, как в вате, тонули конские копыта, ступая на пыльную, пыльную землю. Покачиваясь в повозках или седлах, вчерашние делегаты про себя твердили, как молитву, глубоко запавшие в душу слова воззвания:

«Товарищи, братья!

...съезд крестьянских депутатов, выражая волю своих избираемых, обращается ко всему населению с братским призывом к повсеместным восстаниям.

Восставшее крестьянство Алтайского округа, от предгорий Алтая и до Сибирской магистрали, повсюду свергает ненавистную власть буржуазии... восстановило свою волю власть мозолистых рук Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Белые банды... Колчака стараются подавить нас... вновь закабалить нас.

...Довольно истязательств над нами белых вампиров... дружно, товарищи, на борьбу. Близок час избавления. Все к оружию. Никто не даст нам счастья, если мы его не завоюем.

...Да здравствует власть Советов!»

Член президиума съезда Клава Калачева могла не без основания гордиться: ее творение, отредактированное Голиковым, прочно и безраздельно овладело всеми мыслями делегатов...

4. В ОБЛАКОМЕ И В АРМИИ

Согласно выработанному положению об Облакоме в его составе была создана разветвленная сеть отделов: военный, народного хозяйства, организационный, агитационный, народного образования, призрения (социально-обеспечения), юридический, санитарный (здравоохранения). Некоторые отделы в свою очередь имели подотделы. Так, отдел народного хозяйства делился на подотделы: земельно-лесной, труда и промышленности, финансовый, продовольственный. Существовали специальные комиссии: контрольная и реквизиционная. Вопросы связи ведал комиссариат почт и телеграфов.

Структура Облакома соответствовала его назначению и обеспечивала руководство важнейшими сторонами жизни повстанческой территории.

Для членов Облакома наступили горячие дни, заполненные организационной суетой. Все действия новорожденного органа Советской власти были проникнуты духом коллективности, но, несмотря на это, Голикову больше, чем кому-либо другому, приходилось недосыпать ночей из-за занятости неотложными делами. И как к председателю Облакома, и как к человеку, обладавшему большей политической эрудицией, к нему обращались все без исключения члены Облакома за советами и указаниями.

Необходимым условием всякого успеха в работе Голиков считал поддержку со стороны широких слоев трудящихся масс. Поэтому в первые же дни жизни Облакома родилось его воззвание «К гражданам Сибири». В нем яркие картины произвола колчаковщины завершались страстными призывами к населению:

«1. Исполнять на местах циркулярные распоряжения ваших избранников.

2. Не производить и не продавать как спекулянтам, так и агентам белой гвардии съестных припасов, сырые материалы и сырье, разного рода живой инвентарь, сельскохозяйственные орудия — машины, а также разного рода изделия в города и местности, еще занятые белой бандой.

3. Не слушать их воззваний и распоряжений о привозке на мельницы к ним зерна на помол, так как все привезенное они отбирают для себя, людей мобилизуют, а неповинующихся убивают.

4. Не соблазняться всякого рода их обещаниями и посулами, а также не распространять их разного рода слухи и сплетни, для чего не нужно иметь с ними никаких общественных отношений и соприкосновений и не слушаться их распоряжений...

5. Не чинить у себя по селам и деревням самосудов, арестов и убийств и о всяком, заподозренном в измене, доносить местному районному штабу.

...Долой капитал! Долой грабей! Долой правителя Колчака!

Да здравствует народная Красная Армия!

Да здравствует Коммунистический интернационал!»

Воззвание являлось настоящей боевой программой для трудящегося населения Алтайской губернии в борьбе против Колчака, определяло ближайшие задачи.

В эти же дни Облаком, по инициативе Голикова, разработал и разослал на места инструкцию об организации Советов. В ней устанавливались демократические избирательные цензы. Так, членами волостных и сельских Советов могли быть граждане не моложе восемнадцати лет, без различия пола.

Точно определялись функции районных штабов, Советов, их земельно-лесных отделов, революционных судов, сельских и волостных военных комиссаров.

Важное значение в укреплении революционного правопорядка и дисциплины имели первые циркуляры Облакома — о запрещении самовольных арестов, реквизиций и конфискаций имущества у населения, о создании учетно-реквизиционных комиссий.

Между тем с каждым днем увеличивалась территория Алтайской губернии, на которой действовали органы

Советской власти. Количество районных штабов, объединяемых Облаком, за короткое время с 11 выросло до 23.

Облаком организовал густую сеть всевозможных мастерских для обслуживания нужд партизанских отрядов и населения, сделал первые шаги по налаживанию работы сельских школ, больниц, по распределению сельскохозяйственного инвентаря, оказанию помощи семьям партизан и людям, пострадавшим от произвола колчаковцев.

И все это сделано за несколько дней, в невероятно трудных условиях.

Однако успехи в советском и военном строительстве Голиков считал далеко не полными. Солоновский штаб пока не послал своих представителей для работы в Облаке, решение об объединении штабов повисло в воздухе: в этом направлении не было сделано ни одного практического шага. В довершение всего заболел Игнатий Громов, и Голиков заместил его в должности командующего так называемым «Каменским и Ново-Николаевским партизанским фронтом». На несколько дней пришлось оставить Облаком и заняться сугубо военными делами: укрупнением, передислокацией, обеспечением оружием, продовольствием партизанских отрядов, укреплением дисциплины в их рядах.

20 сентября 1919 года временно командующий партизанским фронтом (с этого дня «Северным фронтом») в приказе начальнику штаба фронта Ботал-Суханову с досадой писал:

«Опять вынужден ехать в Глубокое, так как солоновцы не сливаются, наш штаб распадается. Вся работа встает. Тов. Громов уехал в Солоновку, но вряд ли что выйдет из этого. До моего приезда или тов. Громова дня на два—три вы еще крепитесь».

Главный военно-революционный штаб Алтайской губернии действительно распадался: большая часть членов его оказалась избранной в Облаком.

Военному отделу Облакома предстояло взять на себя многие функции Главного штаба, и возвращение Голикова к своим обязанностям являлось настоятельной необходимостью. Его ждали важные и неотложные дела, от своевременного решения которых во многом зависел успех развития народного восстания.

Несколько дней назад Голикову стало известно о не-

законных, порочащих звание борца за Советскую власть действиях командующего «Восточным Барнаульским фронтом» Милославского, который без всяких оснований убил коммуниста Белоножкина, создавал себе ложный авторитет среди партизан, поощряя их на мародерство и пьянство, угрожал смертью членам Главного штаба. Милославский разлагал партизанскую массу. Он оказался колчаковским агентом. В недалеком прошлом он служил помощником начальника 4-го участка колчаковской милиции в Барнауле и проник в ряды партизан с единственной целью — изнутри ослабить их. Менее сознательная часть партизан шла за Милославским.

Не опасаясь возможных последствий, Голиков внес на обсуждение Облакома вопрос о немедленном отстранении Милославского от командования фронтом, аресте и предании революционному суду. 24 сентября 1919 года Облаком принял такое решение, назначив на место Милославского Федора Колядо.

— Случай с Милославским, — сказал в заключение Голиков, — поучительный для нас. Необходимо повысить революционную бдительность, поднять роль следственных комиссий и революционных судов...

Из Солоновки возвратился Громов, усталый, с осунувшимся лицом, но довольный тем, что привез утешительные вести.

— В ближайшие дни на заседании командного состава двух штабов окончательно решится вопрос объединения. Мамонтов и Солоновский штаб полностью согласны на переговоры.

Воронов встал с места, рубанул, что есть силы, ребром увесистой ладони по столу.

— Бросать слова на ветер солоновцы большие мастаки! Попомните, что и в этот раз сыграют в обещанки!

— Я с этим не согласен, — спокойно возразил Голиков. — В Солоновском штабе есть здоровый элемент, настоящие большевики — Архипов, Ивкин, Конкорин и другие. Сам товарищ Мамонтов — фигура, в сравнении с которой Романов и его единомышленники — горсть дождевой пыли.

Воронов считал, что он сделал многое для объединения штабов, и потому с глубокой обидой в голосе высказал:

— Все они не сегодня на свет народились, толку-то

что от того! Подумать только, на съезде обо всем оповестили, а дело к месту, что называется, примерзло!

Три человека во главе с Голиковым поехали в Солоновку. Архипов при встрече сразу же порадовал посланцев:

— Только что, товарищ Голиков, подписан приказ по штабу о посылке пяти депутатов в Облаком. На первый случай...

29 сентября 1919 года состоялось заседание Солоновского штаба с присутствием Мамонтова и Романова. Председательствовал заместитель начальника штаба Чеканов. Отсутствие Архипова увеличивало силы противников объединения и организованности, но, несмотря на это, делегаты Облакома не думали сдавать своих позиций и надеялись на полный успех своей миссии.

Первым вопросом повестки дня стоял доклад Голикова о создании и целях Облакома. Докладчик держался просто и свободно. Его голос с каждым словом набирал уверенность и силу.

— Облаком призван бороться за расширение народного восстания, за восстановление Советской власти там, где пока хозяйничают колчаковцы. Мы приехали проинформировать Солоновский штаб и выяснить, согласен ли он участвовать в работе Облакома. Нам известно о намерении штаба послать своих представителей в Облаком. Может ли настоящее заседание с полной ответственностью подтвердить правдоподобность таких намерений?

Наступившую тишину нарушил вопрос члена Солоновского штаба Разинкина:

— Когда и каким образом возник Облаком?

Для делегатов Облакома стало ясным, что чья-то рука перехватила приглашение Солоновскому штабу на съезд в Леньках и не предала его широкой огласке.

Голиков обстоятельно объяснил, когда, кем и где избран Облаком, и выразил неподдельное недоумение отказом Солоновского штаба от участия в работе съезда в Леньках.

— Впрочем, — добавил он невозмутимо, — в случае отказа Солоновского штаба войти в состав Облакома, он все равно бы существовал и работал бы, как того требуют обстоятельства дела и время...

Тогда с места поднялся Романов, неуклюжий и тя-

желовесный, как каменная глыба. Хмуря широкий квадратный лоб, он заговорил зло и раздраженно:

— Нам ничего не известно об образовании и существовании Облакома! Что касается присоединения нашего штаба к Облакому, то об этом заявил товарищ Архипов, который не был уполномочен на то...

Хрипловатый, казавшийся простуженным голос члена штаба Конкорина перебил Романова:

— Не туда клонишь, товарищ комиссар! С каких пор Главный штаб, как учреждение законодательное, не имеет право решать вопросы участия своих представителей в работе советского органа и наделять представителей определенными полномочиями! Вопрос решался не единолично кем-то, а коллективно, поэтому разговор о полномочиях товарищу Архипову отпадает сам по себе!

Среди присутствующих пополз сдержанный, одобрительный гул. Романов, вспылив, язвительно отрезал:

— Что толку от вашего Облакома! Без него до сегодняшнего дня обходились и завтра обойдемся! На что он способен? Говорильня, лишняя спица в колесе ваш Облаком!

Обстановка накалялась. В поддержку Романова зашипели его сторонники. Мамонтов молчал, будто собирался с мыслями или взвешивал, на чьей стороне правда. Это молчание больше всего тревожило комиссара, который привык слышать из уст Мамонтова немедленное «да» или «нет».

— Облаком не лишняя спица, а втулка, на которой крепится и держится колесо, товарищ Романов! Разрешите доложить, что Облаком объединяет 23 районных штаба, создал всевозможные мастерские, издал ряд законов, укрепляющих авторитет Советской власти. Облаком в настоящих условиях способен в месячный срок обмундировать все партизанские отряды!

Гул мгновенно перерос с отчетливые возгласы одобрения:

— Это здорово!

— Вот тебе и Облаком!

Решающими оказались слова Мамонтова, произнесенные неторопливо и спокойно, будто речь шла о чем-то обыкновенном, давно определившемся в мыслях:

— Дело говорит товарищ Голиков. Воюем-то за что?

За Советскую власть. Стало быть, комиссар, представителям и нашего штаба в Облакоме места есть...

Голиков отчетливо уловил, что заседание успешно миновало критическую точку, и от имени Облакома предложил:

— Необходимо во главу всех партизанских отрядов обоих штабов избрать одного главнокомандующего. На этот высокий пост каждый отряд выделит одного самого достойного кандидата, а кандидаты из своей среды выберут по их усмотрению главнокомандующего...

Романову не оставалось ничего иного, как в глубине души похоронить обиду за неудачу и поспешно поддержать мнение, к которому присоединился Мамонтов:

— Считаю необходимым предварительное разъяснение во всей армии о выборах в Облаком и кандидатов в главнокомандующие... Для большей организованности...

Неожиданный поворот в мнениях комиссара устранил напряженность заседания, и обсуждение вопроса приняло спокойный, деловой характер.

Для разъяснения порядка было решено послать в боевые отряды, кроме членов Главного штаба, Мамонтова и Романова, а также агитаторов. Заседание попросило Голикова принять в этой работе активное участие. Заключительная часть протокола заседания Солоновского штаба открыто признавала:

«По случаю создания центральной власти Западной Сибири в лице Западно-Сибирского исполнительного комитета Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов общее собрание, совместно с главнокомандующим и комиссаром действующей армии и представителями Облакома, постановило: «Всех товарищей нашей крестьянской народной Красной Армии, сделавших какие-либо преступления, кроме шпионства, до сего числа из-под ареста освободить и отправить в действующую армию, где они должны быть до тех пор, пока не исправят своего поведения и не заслужат поощрения».

Голиков уехал из Солоновки с приподнятым настроением, рожденным настоящей победой над противниками объединения и организованности. И вместе с тем он хорошо понимал, что победа не исключала борьбы в дальнейшем и думал:

«При первом удобном случае Романов со своими

друзьями достанет камень из-за пазухи и больно ударит по большевикам...»

Облаком получил хорошее пополнение: в составе его агитотдела, которым руководил большевик Скиба, стали работать стойкие большевики, посланцы Солоновского штаба—Архипов, Ивкин, Кольцов, Конкорин, Семенихин.

Успехи и угрожающие размеры народного восстания не на шутку встревожили колчаковское военное командование. 22 сентября 1919 года Колчак подписал указ, объявлявший 18 уездов Западной Сибири на военном положении. В спешном порядке колчаковцы стягивали крупные силы на линии Алтайской железной дороги, по течению Оби. По всему угадывалось, что против красных партизан готовились карательные экспедиции широкого масштаба.

В эти тревожные предгрозовые дни Облаком во главе с Голиковым направлял свои усилия на мобилизацию всех сил населения повстанческой территории на отпор врагу.

С удвоенной нагрузкой работал агитационный отдел Облакома. Его агитаторы несли слова правды о Колчаке, помогали населению правильно разобраться в сложившейся политической обстановке.

Облаком принял самые экстренные меры к укреплению, пополнению и снабжению всем необходимым партизанских отрядов. В частности, в приказе к населению 2 октября 1919 года Облаком за подписью Голикова и заведующего военным отделом Толоконникова сообщал:

«Товарищи братья!

... Тираны решили открыть фронт против восставшего населения Западной Сибири... Тираны, не видя себе выхода, употребляют дьявольские усилия разбить нас... Если победят белые, всю сознательную бедноту перережут, несознательную — закабалят.

Все на восстание, все на защиту себя!

Областной исполнительный комитет объявляет восстание в смертельной опасности... всю восставшую местность — восставшим лагерем.

Кто не пойдет с нами, тот враг нам!

Областной исполнительный комитет объявляет всеобщую мобилизацию по 1906 год включительно. Мобилизованных немедленно вооружить имеющимся огнестрель-

ным оружием, остальных — пиками и, по возможности, посадить на верховых лошадей.

Все другие заботы и работы следует оставить. Восставшие сами себе должны добыть оружие...»

Голиков отдавал полный отчет в том, что для народного восстания складывалась крайне неблагоприятная обстановка, и потому считал важными и неотложными такие мероприятия, как мобилизация в ряды активных борцов всех способных носить оружие, самая усиленная агитация среди населения и в партизанских войсках.

Целенаправленность этих мероприятий определялась в предписании Облакома всем фронтовым партизанским штабам, обнародованном вместе с приказом, и ставилась во главу угла всей деятельности советских органов на повстанческой территории.

«Эти меры будут иметь устрашающее действие на противника, будут поднимать дух населения. При поднятом настроении удастся создать боевую армию и вооружить ее за счет противника. Возможно, что будут жертвы, но будет спасено этим самым целое. Об этом Облаком доводит до вашего сведения, дабы вы подняли дух среди населения и армии и учли прибавку нашей армии с холодным оружием».

В сельских кузницах в те дни густо дымили горны. Далеко за околицы сел улетал веселый перезвон кузнечных молотков.

На ухабах замерзших, но еще не заснеженных дорог гулко тархтели тяжелые колеса, цокали, как по камню, конские копыта. Все это заглушали временами бойкая перекличка, разговоры и песни людей.

Дороги казались поросшими длинной густой щетиной — над ними, взметнув вверх остря, колыхались грозные партизанские пики — изделия сельских кузнецов-умельцев. На концах пик на ветру полоскались, как узкие змейки огня, красные тряпицы. Из сел в районные штабы для пополнения боевых отрядов катились многолюдные толпы мобилизованных, приходили обозы с товарами и сырьем, конфискованными у спекулянтов по указанию Облакома для бесперебойной работы мастерских — оружейных, пошивочных, сапожных, шорных и других.

Повстанческая территория напоминала военный лагерь, поднятый на ноги тревожным набатом Облакома.

При виде необычного подъема и оживления в селах Голиков вновь высказал членам Облакома мысль, что силу революционного порыва масс можно умножить объединением мелких партизанских отрядов в крупные, единством и организованностью действий.

Наконец, 7 октября 1919 года состоялось заседание командного состава двух штабов, которое и постановило все партизанские отряды объединить в Крестьянскую Красную Армию Западной Сибири во главе с Мамонтовым. Громов назначался командиром корпуса, который состоял из двух дивизий, начальником штаба корпуса — Жигалин. Комиссаром армии по-прежнему оставался Романов. Большевики обоих штабов решили терпеть его до тех пор, пока он сам себя окончательно не скомпрометирует в глазах той части партизан, которая относилась к нему, если не совсем благосклонно, то в какой-то степени терпимо. Обстановка требовала сохранения единства во вновь созданной армии и вследствие того — временной терпимости к «комиссару».

Полной неожиданностью для членов Облакома явилось назначение Голикова командиром 6-го Кулундинского полка партизанской армии.

— Оставить Облаком без председателя в трудную минуту!

— Нет, этого нельзя допускать!

— И в условиях военной обстановки надо взвешивать, где больше пользы принесет товарищ Голиков!

В словах членов Облакома было много недоговоренного. Сам Голиков полагал, что стремление обезглавить Облаком, а со временем, быть может, доказать его полную нежизнеспособность так или иначе исходит от сторонников Романова, которые это стремление очень умело и тонко завуалировали «требованиями момента».

Голиков полностью согласился с решением совещания, чтобы не давать повода Романову к упрекам в трусости, в «желании отсидеться за спинами других».

— Повоюем, товарищи! — в голосе Голикова не было и тени недовольства назначением командиром полка.

— А что, если Облакому обратиться с просьбой в штаб корпуса.

На это предложение Голиков искренне и горячо запротестовал и доказал его несостоятельность:

— Нет, нет, товарищи! Такая просьба на первых же

порах может обострить отношения между командованием армии и Облаком. А наша цель заключается в обратном. Людей незаменимых не бывает, коллективный ум членов Облака способен решать самые сложные вопросы...

На другой день, 8 октября, в селе Сидорки партизаны выиграли у колчаковцев бой, положивший начало целой серии успешных военных операций крупного масштаба.

В Сидоровском бою партизанам помогла одна военная хитрость. Федор Керенский загадочно сказал Голикову: — Мы можем через час-другой удвоить нашу кавалерию...

Голиков бросил недоуменный взгляд на товарища.

— Это каким способом?

Керенский принялся горячо излагать план «удвоения» кавалерии.

— Всех мирных жителей надо посадить на верховых лошадей. Они будут действовать не оружием, которого у них нет, а собственными голосами, быстрыми передвижениями в поле зрения беляков, шумом и гамом создавать видимость настоящей кавалерии.

— Блестящая идея! Ее необходимо применить в практике боя! — С юношеским задором Голиков принялся помогать в создании «кавалерии». В один из решающих моментов боя в отдалении показались сотни быстро несущихся всадников, шум боя заглушили дружные крики «Ра-ра-ро!» Хитрость удалась. Партизаны одержали победу. Так, по предложению Керенского и при горячей поддержке Голикова в партизанской армии появился новый вид «войск» — кавалерия «Ра-ра-ро», успешно использованная во многих последующих боях.

Теперь для всех становилось очевидным, что создание армии — необходимое условие успеха партизанского движения. Бой под Сидорками явился первым, незримым ударом по противникам объединения и их вожаку Романову.

Голиков принял 6-й полк, сформированный им в бою в Сидорках.

С созданием армии и введением в ней воинской дисциплины Голикову предстояла немалая работа. Прежде всего в полку ощущалась острая нехватка оружия, боеприпасов, лошадей, а дисциплина личного состава не от-

вечала даже скромным требованиям приказа по партизанской армии.

В донесении штабу корпуса Голиков дал исчерпывающую характеристику состояния полка.

Основу полка составляли отряды Громова и Кузнецова. Из первого отряда сформировались 1-й и 2-й эскадроны, пулеметная рота и обоз, из второго — 5-й эскадрон, из беженцев Славгородского уезда — остальные подразделения. Таким образом, в полку насчитывалось 12 эскадронов кавалерии, 4 пехотных роты, пулеметная команда, обозы 1-го и 2-го разрядов. Кроме того, Голиков предполагал создать команды: учебную, разведки и связи.

«Передо мной в настоящее время стоит задача — создать этот полк вполне боеспособным, безусловно дисциплинированным и вполне верным пролетарской диктатуре», — писал в донесении Голиков и для достижения поставленной цели считал необходимым:

1. Равномерно распределить добровольцев по подразделениям полка с тем, чтобы командованию иметь надежную опору во всех своих начинаниях;

2. Уволить в запас великовозрастных беженцев, улучшив тем моральное состояние полка;

3. Сократить к зиме кавалерию до 4 эскадронов и увеличить соответственно количество пехотных рот, как более маневренных в условиях глубоких снегов;

4. Пополнить полк до полной укомплектованности 100—150 добровольцами и 1000—1200 мобилизованными;

5. Выделить дополнительно полку 500 верховых лошадей и 200 седел.

После боя в Сидорках полк оставался на месте всего лишь несколько дней, усиленно занимаясь разносторонней учебой.

Вскоре вновь наступила боевая страда. По сообщению штаба корпуса, в село Малышев Лог ворвался крупный отряд колчаковцев в две тысячи человек с артиллерией и устроил кровавую расправу над мирными жителями. Партизанские полки непрерывно атаковывали врага. Село неоднократно переходило из рук в руки.

Штаб корпуса приказал Голикову срочно передислоцировать полк в Малышев Лог. Перед маршем Петр Клавдиевич поставил перед командирами подразделений задачу:

— Надо рассказать всему личному составу полка о том, что в Малышевом Логу колчаковцы изнасиловали десятки женщин, изрубили шашками 12 человек, в том числе двенадцатилетнего мальчика. На примерах зверств воспитывается самая лютая ненависть трудящихся к колчаковцам...

Полк совершил марш за меньшее время против предусмотренного и утром 12 октября, в самый разгар боя, обрушился на колчаковцев.

Удар партизанских полков, благодаря своевременно подходу подкрепления, оказался настолько сильным и стремительным, что колчаковцы откатились из Малышева Лога на Мельниково и затем на Пospelиху.

После боя 6-й полк отдохнул всего 2—3 часа и двинулся вслед за 2 и 3 полками в Волчиху на выручку партизан, оборонявшихся от превосходящих сил противника.

Впереди снова пятидесятикилометровый марш с редкими остановками на отдых. Голиков с удовлетворением заметил, что за весь марш в полку не было жалоб на усталость или случаи отставаний — сказывалось благотворное влияние недавней победы над врагом, кратковременной учебы и воспитательной работы в полку.

В письме начальнику штаба корпуса Жигалину Мамонтов сообщал о своевременном подходе 6-го полка в Волчиху.

«Наша армия сидит в окопах. Настроение бодрое. Товарищ Голиков с полком прибыл, и часть его полка влилась в другие полки...»

Настойчивыми атаками партизанские полки под Волчихой обратили отборные силы колчаковцев в паническое бегство.

14 октября Голиков в донесении сообщал в штаб корпуса, что полк захватил боевые трофеи: 4 пулемета, одну автоматическую и 30 обыкновенных винтовок, небольшое количество патронов.

В этот же день Петр Клавдиевич докладывал Мамонтову, что в решающий момент боя командиры 2 кавалерийского эскадрона Кузнецов и 4 пехотного батальона Шевченко под проливным ружейно-пулеметным дождем противника повели свои подразделения в атаку, сбили с позиций и обратили в бегство колчаковцев, захватив 2 пулемета и несколько винтовок.

«Обстановка боя и условия, при которых части лево-

го фланга были выведены в атаку, указывают на отличительную храбрость товарищей Кузнецова и Шевченко», — писал Голиков и просил Мамонтова отдать приказ о поощрении отличившихся с целью воспитания армии в духе героизма.

В партизанской армии вынашивались планы крупных наступательных операций с целью овладения многими ключевыми позициями и опорными пунктами колчаковцев — Рубцовкой, Семипалатинском и другими. Это было реальным, особенно после только что одержанных побед. В партизанской армии шла тщательная подготовка к предстоящим операциям: пополнялись боевые части, проверялась их боеспособность, усиливалась политико-разъяснительная работа, в штабах разрабатывались в различных вариантах диспозиции, схемы предполагаемых боев.

В определение тактики партизанской армии свой вклад внес и Голиков. В начале октября 1919 года во время боя в расположении 6-го Кулундинского полка оказалась лошадь с убитым польским офицером. В левой сумке офицера был обнаружен боевой приказ по польскому карательному полку. Петр Клавдиевич перевел с польского на русский язык, а затем в течение нескольких ночей расшифровал приказ. Документ раскрывал широкие оперативные планы колчаковского командования — стремление нанести одновременные удары по более важным позициям партизан.

Голиков не только проинформировал командование об открытии, но и предложил правильный контрплан — бить противника по частям, не давая ему возможности создать единый, мощный кулак. Командование партизанской армии во всех деталях разработало тактический план разгрома противника по частям, который обеспечил блестящий успех будущих боев партизан против колчаковцев на Алтае.

Временную передышку Голиков использовал для усиленной боевой учебы полка. Особое внимание, ввиду недостатка винтовок, Голиков уделял ведению рукопашного боя с применением пик и другого холодного оружия, подготовке атаки, использованию ложных видов оружия, основанных на зрительном обмане или шумовых воздействиях на противника.

Учеба проходила в любое время суток. Однажды полк

был поднят по боевой тревоге глубокой ночью. За селом безумолчно, захлеб лаяли пулеметы. Бесконечно длинные очереди заполнили треском до этого безмятежную ночь. Полк занял оборону в отрытых заранее окопах. По цепи пронеслась приглушенная боевая команда:

— Огня не открывать! Приготовиться к отражению атаки!

Окопы оцетинились пиками, цепь притаилась в тревожном и томительном ожидании, и вдруг, будто по чьему-то знаку, оглушительная трескотня оборвалась.

Из окопов на пригорок, залитый ярким светом полной луны, выскочил Голиков с комиссаром полка Федулаевым, командирами эскадронов. Все они, к удивлению партизан, стояли в полный рост и оживленно о чем-то разговаривали. На их лицах довольные улыбки.

— Где же противник-то! Построчил, нагнал страху и скрылся!

Слова Голикова, произнесенные умышленно громким и недоумевающим голосом, хорошо слышали в окопах. Оттуда наперебой понеслись возгласы:

— Сила-то какая объявилась, товарищ командир полка!

— Посейчас гул да трескотня слух забивает!

— Из-за трескотни визга пуль не было слышно!

— А может, то набализованные палили лишь куды!

Голиков ошеломил партизан коротким пояснением:

— То трескотки наделали переполох! Ими по недостатку пулеметов пулеметная команда вооружилась. Ну как, действует на нервы такое оружие?

— Действует, товарищ командир!

— Еще как!

В эти дни Голиков издал несколько приказов. Они проникнуты стремлением укрепить дисциплину, поднять дух и боеспособность личного состава полка.

В приказе 13 октября 1919 года говорилось, что утеря пики равнозначна утере винтовки, «... поэтому товарищи солдаты должны беречь их и ни в коем случае и ни в какой обстановке не бросать их».

Приказ устанавливал виды связи в полку — эмблемы: красный флажок с белыми кромками — для рот и эскадронов, а для батальонов — такой же флажок, но с зеленой окантовкой. Флажки с указанием номеров подразделений вывешивались над квартирами командиров.

Приказ предлагал проводить беседы «с товарищами солдатами на политические темы при всяком удобном случае», представлять в штаб полка ежедневные строевые записки (о движении личного состава), а также объявлял набор в команды — учебную и разведки, о передаче шашек из пехоты в кавалерию.

Большие трудности встретились при введении воинской дисциплины. Нередко воспитательная работа не оказывала должного воздействия, на нарушителей приходилось накладывать дисциплинарные взыскания. В приказе от 10 октября Голиков объявил строгие выговоры: за беспорядки при занятии квартир в селе Титовке — командиру пулеметной роты Дзюбе, за самовольную передачу поста с сообщением корпусного пропуска местному жителю — солдату Назарову. Здесь же определялся порядок назначения и смены караулов и постов, предписывалось всем командирам, вплоть до отделенного, всегда иметь при себе с местности кроки и чертежи.

Содержание приказов свидетельствовало о довольно глубоких познаниях Голикова в военном деле, о его больших организаторских способностях.

20 октября 1919 года командование партизанской армии и корпуса проводило смотр боевой готовности 6-го Кулундинского полка. Эскадроны и батальоны выстроились в правильные четырехугольники. При всей разношерстности одежды командиров и солдат в шеренгах и рядах соблюдалось безупречное равнение. Это невольно бросилось в глаза Мамонтову, Громову, Жигалину и другим товарищам.

— Вот что, товарищ солдат, расскажи свои обязанности в бою!

На голос Мамонтова из строя четко, по-военному вышел парень в ватной кацавейке, в телячьем треухе, вооруженный длиннющей пикой. Застыв в стойке «смирно», он без малейшего смущения отчеканил:

— Первая обязанность — добыть в бою винтовку. Вторая — разбить противника!

Судя по выражению лица, ответ понравился Мамонтову. Он спросил:

— А как ты добудешь винтовку?

Парень вытянул вперед пику и по-прежнему бойко ответил:

— Беляка пикой пощекочу под ребра — винтовку бросит, а я подыму!

Сопровождаемый одобрительными улыбками проверяющих, парень так же четко встал в строй.

Жигалин в строю пулеметной роты обратился к безоружному солдату:

— Что будешь делать, когда кончатся пулеметные ленты?

— Пулемет в обоз отправлю для сохранности, сам останусь на месте, чтобы пугать беляков вот этим оружием.

Солдат быстро снял со спины трещотку и рассыпал длиннейшую трескучую и оглушительную очередь, потом, когда перестал крутить ручку, заметил Мамонтову, который поспешно оторвал руки от ушей:

— Так что действует оружие безотказно, товарищ главнокомандующий, на нерву...

Хорошо работали на манеже кавалеристы. От резких, сильных взмахов шашек на землю сыпались посеченные тальниковые прутья.

Порадовали и пехотинцы. Взаимодействуя с кавалерией и пулеметчиками, они умело ходили в учебную атаку, потрясая воздух дружным громовым «ура».

После смотра в приказе по партизанской армии давалась заслуженная оценка состоянию полка:

«...Дух и настроение полка хорошие, видно, что полк вполне боеспособный и дисциплинированный, что ставлю в заслугу командиру полка товарищу Голикову и всего командного состава...»

Вместе с тем приказ отмечал, что у многих солдат нет оружия, а на строевых лошадях — седел.

21 октября 1919 года в 11 часов дня Голиков получил план наступления на станцию Рубцовку силами боевой группы в несколько партизанских полков. Как командир этой группы, он дал распоряжение Кожину, командиру 1-го левофлангового полка, разрушить железнодорожный путь севернее Рубцовки около 35 разъезда, чтобы исключить возможность подхода подкреплений колчаковцев со станции Пospelихи. Бронепоезд колчаковцев свалился под откос.

Утром 22 октября завязался упорный бой за Рубцовку, в котором 6-й полк участвовал в полном составе на направлении основного удара.

При недостатке оружия и боеприпасов Голиков применял разумную тактику разведывательного боя и, нащупав слабые участки обороны противника, наносил по ним сильные удары.

Весь день продолжался бой. Партизанские части одержали важную победу, заняв Рубцовку. Кроме 180 пленных, им достались ценные трофеи: 2 пулемета, 300 винтовок, запасы продовольствия, много выделанной кожи.

По донесению Голикова в штаб корпуса, в боях особенно отличился 5-й эскадрон 6-го полка во главе с командиром Заковряшиным. Штыковой атакой эскадрон выбил колчаковцев из депо и захватил 70 пленных, воз винтовок, патроны и принадлежности к пулеметам.

Часть солдат 2-го дивизиона 6-го полка под командой Кузнецова и Керенского первой ворвалась в Рубцовку, отеснила противника на станцию, захватила 24 винтовки, более 80 пленных.

Остатки колчаковцев поспешно бежали в сторону Семипалатинска. 4-й партизанский полк не пришел вовремя на станцию Веселый Яр и не перерезал им пути отступления.

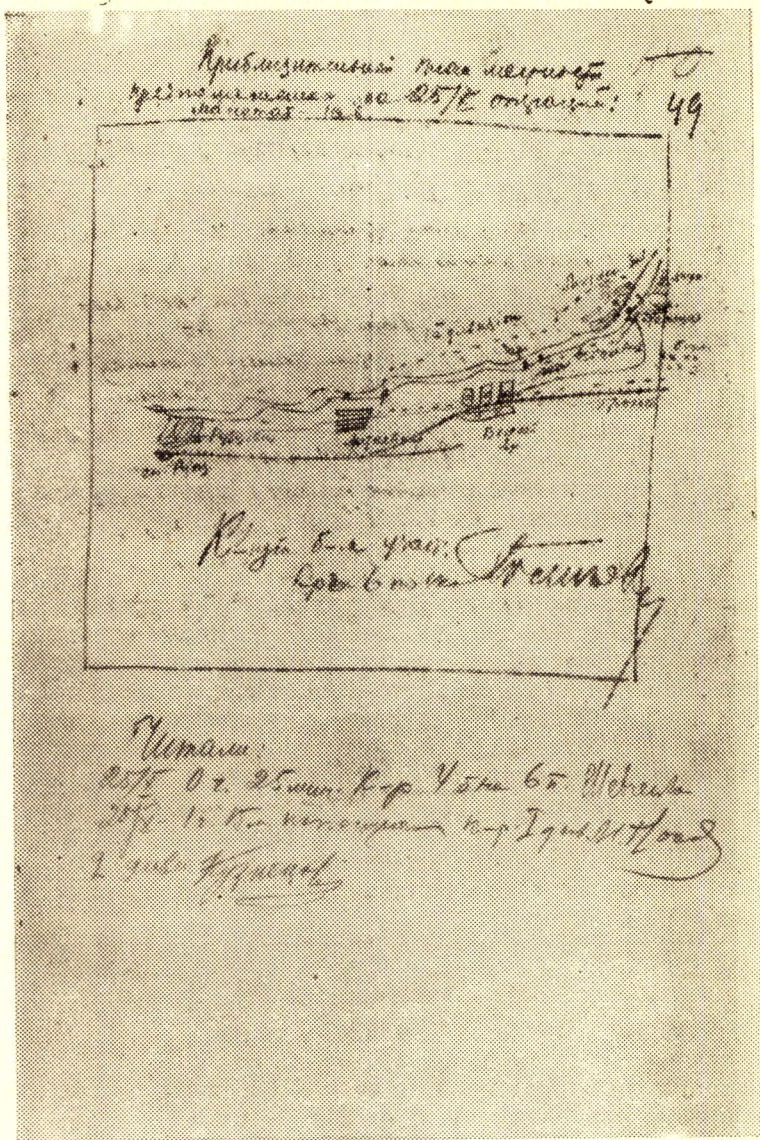
В погоню за отступающими Голиков направил подразделение 6-го и 1-го полков, усиленных захваченным в бою броневиком, на который выделялась специальная команда, вооруженная пулеметом и 25 винтовками.

Наступление на Семипалатинск развивалось довольно быстро. В штаб корпуса поступили донесения о занятии партизанами 23 октября станции Веселый Яр, 25-го — села Локтевский завод, 26-го — станции Аул.

Первые успехи наступления свидетельствовали о тактической зрелости, военной распорядительности командира боевого участка, опрокидывали субъективные суждения отдельных представителей командования партизанской армией о том, что Голикову, как человеку сугубо гражданскому, не под силу руководство крупными военными операциями.

Конечно, в тех условиях из-за нехватки вооружения, боеприпасов, средств передвижения партизанским полкам было трудно развить достигнутые успехи до полной победы! Это позволило колчаковцам подтянуть подкрепления и перейти в контрнаступление. Занятие ими Поспелихи и других пунктов севернее Рубцовки создало

Приблизительный план местности и предполагаемых операций
 на 25 октября 1919 года по Веселоярскому боевому участку,
 разработанный Голиковым.

угрозу тылам и возможность окружения Веселоярских партизанских полков.

В ночь на 29 октября кавалерийские подразделения партизан, охваченные паникой, без приказа беспорядочно отступили со станции Аул в Веселый Яр. Создалась тяжелая для партизан обстановка, требовавшая принятия срочных мер.

Тогда командир 1-го дивизиона 6-го полка Штаер (Петрусенко) привел из села Асинкритовки два эскадрона кавалерии и рано утром 29 октября занял Аул, чем восстановил порядок в партизанских частях, обеспечил успешное завершение боевых операций в селе Локтевский завод.

В рапорте командиру корпуса Громову Голиков писал 1 ноября 1919 года: «Доношу, товарищ, о геройском поступке товарища командира 1-го дивизиона товарища Штаер (Петрусенко)...»

К 1 ноября 1919 года колчаковцы восстановили позиции, занимаемые до наступления партизанских полков...

Голиков считал, что боеспособность войск, тактическое мастерство командиров значительно повысятся, если к обсуждению важнейших военно-тактических, военно-политических и других вопросов привлечь более широкий круг сведущих лиц. Не случайно, что в 6-м Кулундинском полку первым в армии был создан Совет из 7 отделов, в который избиралось 18 членов. На своем заседании 31 октября Совет в присутствии Громова постановил:

«Вторично написать в штабы дивизии и корпуса о создании дивизионного и корпусного Советов».

1 ноября 1919 года Голиков подписал последний приказ № 11 по полку:

«Ввиду отъезда моего в Областной исполнительный комитет, как председателя его, полк сдаю командиру 4-го батальона товарищу Шевченко, назначенному исполняющим должность командира полка.

Основание: Отношение Облакома от 27. X. с. г., приказание командира корпуса от I—XI и протокол общего собрания полкового совета от 31.X.1919 г.»

Голиков уезжал с горячим желанием поработать не покладая рук во имя расширения и укрепления Советской власти и народного восстания.

5. ОБЛАКОМ БЕЗ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

Почти месяц Голиков находился в отлучке, но, несмотря на свою занятость в действующей армии, он постоянно поддерживал связь с Облакомом и был в курсе его дел. Так, в середине октября приказом по 6-му Кудундинскому полку Голиков командировал комиссара полка Федулаева в Облаком для получения информации и дачи советов в работе.

Отсутствие председателя в известной степени отражалось на жизни Облакома. И вместе с тем Облаком, пусть в отдельных случаях не совсем правильно, но действовал: принимал постановления и решения по самым животрепещущим вопросам, строго проверял их исполнение.

Постоянная осведомленность Облакома в военных операциях партизанской армии и широкая информация о них поднимали дух населения, укрепляли доверие к Советской власти. 8 октября 1919 года Облаком сообщил населению о боевых действиях следующее:

«Отряд белых, стоявший в селе Гилевке, разбит товарищем Колядо*, взят весь его обоз, взято семь возов патронов и один пулемет... 7-го в селе Лебяжьем завязался бой, где было взято нашими войсками 6 пленных и санитарный обоз с медикаментами. Действовал 3-й батальон 2-го полка под командой Жарикова...»

Члены Облакома были частыми гостями на местах, где выступали с подробными и содержательными докладами о текущем моменте и по другим вопросам. 17 октября 1919 года, например, член Облакома Тищенко такой доклад сделал в Куликовском районном Совете крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. В протоколе Совета говорилось:

«...заседание, заслушав доклад товарища Тищенко о крупных победах наших доблестных войск, постановило: выразить благодарность Облакому за его труды и стойкость на своем посту, за спасение блага народа и всему командному составу и войскам Южного фронта** послать приветствие, в свою очередь Совет обращается поддер-

* Командир 7-го партизанского полка «Красных орлов».

** Так назывался район партизанского движения на юге Алтайской губернии, главным образом в Славгородском уезде.

жать Облаком всем, чем может, отдавая все силы и жизнь за спасение блага народа...».

В октябре 1919 года Облаком решил ряд важных вопросов: упорядочил цены на предметы первой необходимости, ввел дифференцированные налоги с населения, организовал помощь семьям бедняков и пострадавших от контрреволюции, открыл различные мастерские для обслуживания населения и армии.

Важную роль в развертывании народного восстания сыграло революционное решение земельно-лесного вопроса. Еще в сентябре Облаком дал указание районным штабам о выселении в месячный срок с бывших кабинетских земель всех арендаторов, а также сторонников колчаковщины. Из образовавшегося земельного фонда предлагалось выделить наделы для безземельных хозяйств.

На Алтае крестьяне издавна вели упорную борьбу за льготное пользование лесом. Облаком объявил леса всенародным достоянием и установил демократический порядок управления ими. Через земельно-лесные советы и комиссаров лесничества на местах определялись нормы отпуска леса населению в зависимости от активности участия в борьбе с Колчаком, имущественной состоятельности, разрушенности хозяйств крестьян.

Облаком быстро завоевывал симпатии трудового населения, так как полностью защищал его интересы, вносил элементы высокой организованности и политической сознательности в борьбу против колчаковщины. Иначе и быть не могло: в Облакоме работала многочисленная по тому времени группа большевиков, наиболее подготовленных теоретически, имевших опыт практической работы: Голиков, Архипов, Калачева, Ивкин, Скиба, Бекешкин, Кольцов, Клевцов и другие.

Голиков знал, что мероприятия Облакома рано или поздно могут встретить в штыки те, кто ратовал за разобщенность действий партизанских отрядов, за неорганизованность в рядах партизан. Воображение Голикова всегда и слишком отчетливо рисовало Романова — с хмурым, недовольным лицом, готового до конца бороться против всего, что исходило от большевиков.

Когда партизанская армия стала фактом, а Облаком окончательно утвердился в своих правах как высший орган власти на повстанческой территории, Романов и

его сторонники изменили свою тактику. Они теперь исподволь, а где позволяла обстановка, и открыто стремились вбить клинья между Облаком и командованием армии. С этой целью усиленно распространялись слухи о неспособности Облакома к работе, о его якобы ненужности в условиях военного времени, высказывались опасения, что Облаком «оседлает», приберет к рукам командование партизанской армии и станет фактическим вершителем судеб народного восстания. Надо сказать, что такая тактика иногда приносила успех тем, кто применял ее. Отдельные представители командования партизанской армии оказывались в плену вредных небылиц, слишком далеко заходили в своей неприязни к Облакому, не понимая, в силу своей политической близорукости, что этим оказывали услугу фактическим противникам партизанского движения.

Сохранение единства рядов партизанского движения, умножение его силы требовали от Голикова и других большевиков, членов Облакома, максимальной тактичности в отношениях с командованием армии.

Голиков прекрасно знал, что основная часть командного состава армии во главе с Мамонтовым, Громым, Жигалиным — искренние, бесстрашные борцы, готовые в любую минуту отдать жизнь за Советскую власть, что их авторитет в партизанской массе высок и незыблем.

Поэтому Голиков правильно считал (и в том сказала его несравненная политическая зрелость), что для устранения ненормальностей во взаимоотношениях между Облаком и командованием армии необходима прежде всего борьба с темными силами, порождающими эти ненормальности.

Ненормальности являлись свидетельством того, что партизанское движение в степном Алтае развивалось и крепло в условиях острых противоречий, в условиях борьбы большевиков против мелкобуржуазного влияния на массы крестьян.

9 октября 1919 года совещание командного состава партизанского корпуса выработало приказ № 2 о временном роспуске отделов Облакома, кроме части хозяйственного, юридического, санитарного отделов и президиума. Функции ликвидированных отделов передавались президиуму.

Голиков на заседании говорил горячо и страстно:

— Я решительно не согласен с принятым решением! Нужно понять, товарищи, что свертывание многих отделов Облакома сужает его работу в самый ответственный момент народного восстания, которое так нуждается в помощи!

Лицо Романова, обычно пасмурное от постоянного похмелья, светилось улыбкой радости по случаю хотя и неполной победы над Облакомом. После совещания Романов наедине сказал Голикову:

— Не вышло по-вашему, товарищ командир полка!— и многозначительно добавил: — То цветочки только, а ягодок ожидать недолго осталось!

В этих словах, сказанных сквозь хриплый, скрипучий смех, хорошо улавливались нескрываемые насмешки и угроза.

После совещания Голиков сразу же возвратился в полк. А уже на другой день случилось то, на что накануне намекал Романов.

В Облаком неожиданно явился начальник штаба 2-й дивизии Булыгин и приказным тоном заявил Воронову:

— Немедленно собери членов Облакома на внеочередное заседание!

— Чего так? — спросил недоуменно Воронов.

— Известие важное сообщить надобно!

На заседании Облакома председательствовал Воронов. По его излишней суетливости в движениях, по неровному голосу было заметно, что он взволнован предчувствием услышать что-то необычное, значительное.

После вступительного слова Воронова Булыгин, чеканя шаг, подошел к столу, окинул присутствующих строгим взглядом и коротко, по-военному сказал:

— Довожу распоряжение о роспуске Облакома. Взамен создается военная коллегия. Бывшему Облакому предлагается избрать представителей в коллегия.

В первую минуту наступила тишина, рожденная ошеломляющим действием услышанного, а затем раздались протестующие возгласы:

— Никто, кроме съезда Советов, не может распустить Облаком!

— Обстановка требует усиления Облакома, а не роспуска!

— Облаком, созданный великим трудом, должен и будет жить!

Срывающимся голосом, растерянно разводя руками, заговорил Воронов:

— Как же так, товарищи, без Облакома-то! Сколько сил положили и выходит все понапрасну, что-то...

Булыгин резко оборвал:

— Распоряжения командования выполняют, а не обсуждают!

— Командования, говоришь? — переспросил Воронов, несколько помолчав, будто осмысливая услышанное, и затем неуверенно добавил: — Ежели командование армии требует отпуска Облакома, я согласен.

Не обращая внимания на усилившиеся крики несогласия большинства членов Облакома, Булыгин надежно, по-хозяйски, прикрепил к стене объявление о роспуске Облакома и с достоинством удалился...

На другой день состоялось чрезвычайное заседание Облакома с обсуждением вчерашнего вопроса. Один за другим члены Облакома горячо высказывались против выполнения распоряжения, объявленного Булыгиным. Особенно резко и решительно выступил заведующий юридическим отделом Бекешкин:

— Подобное распоряжение, на мой взгляд, провокация! Предлагаю выразить решительный протест против незаконных действий по отношению к Облакому, срочно провести следствие и по всей строгости революционных законов привлечь к ответственности Булыгина!

Со словами раскаяния обратился к членам Облакома Воронов:

— Не подумавши, ляпнул я вчера, товарищи... Считайте меня с вами, а Облаком — на своем прежнем месте.

Кто-то сорвал со стены объявление, скомкал и швырнул на пол.

Следственный материал по делу ликвидации Облакома был передан в штаб корпуса, но остался без движения, без последствий. Зато попыток ликвидации Облакома с чьей-либо стороны больше не предпринималось. Облаком действовал по-прежнему.

Именно в эти дни члены Облакома остро ощущали отсутствие Голикова. Поэтому на чрезвычайном заседании 16 октября 1919 года Облаком постановил:

«... войти со штабом корпуса в отношении отозвания

т. Голикова в соглашение, и последний должен решить, где больше пользы может принести т. Голиков: или как воин, или как дипломат, а уже на решении штаба корпуса будет основываться Облаком...»

20 октября пленарное заседание Облакома вновь рассмотрело этот вопрос и приняло интересное постановление, дающее исчерпывающую характеристику Голикову:

«Признавая, что в революционной борьбе нужна об- щая армия, командиры которой должны быть храбры, с широким умственным кругозором при ведении сражения, но для того должен быть обеспечен тыл полезным руководителем, которого святая обязанность скоро и разумно решать вопросы о снабжении армии, от которого зависит победа над противником, поэтому, основываясь на вышеизложенном, поручить т. Бобринскому отбыть в штаб корпуса и лично от имени Облакома просить т. Голикова о занятии им своего поста при Облакоме, как инициатора народного восстания и возрождения Облакома...»

На этом же заседании была создана ревизионная комиссия, наделенная широкими правами и в отношении армии.

Жаркие прения развернулись по вопросу создания большевистских ячеек в селах. Против «декрета о большевистских организациях» или «положения», созданного Архиповым и Скибой, выступил Воронов:

— Я думаю, что повременить надобно с этим делом. Как бы расколу из-за тех ячеек не получилось в Облакоме, армии и среди крестьянства...

Воронова никто не поддержал. «Декрет» в своей основе во всем следовал Уставу и Программе РКП(б).

Необходимость создания большевистских ячеек в селах обосновывалось конкретными местными задачами борьбы против колчаковщины.

Однако «декрет» имел существенные недостатки, обусловленные оторванностью большевиков Облакома от партийных центров и частично тем, что Голиков находился в армии и непосредственно не участвовал в разработке документа. В частности, нарушением уставных положений и партийной демократии является пункт «декрета», который определял, что ЦК должен нахо-

даться при Облакоме, что в его составе должны быть 3 члена Облакома, утвержденные пленарным заседанием.

При всем несовершенстве положение закладывало организационные основы сельских большевистских ячеек, что имело важное политическое значение, так как через ячейки проводилось революционное влияние на массы трудящегося крестьянства.

Голиков неоднократно говорил, что укрепление революционной законности содействует повышению авторитета советских органов в глазах населения. Обстановка настоятельно требовала претворения этого положения в жизнь.

Бывали случаи, когда под маркой партизан орудовали мародеры, которые бесчинствовали, грабили население, а отдельные представители партизанских частей, пользуясь бесконтрольностью, превышали свои полномочия, чинили, по существу, произвол.

Так, 14 октября 1919 года некто Неудахин, командированный штабом 2-й дивизии в Кривинский районный военно-революционный штаб, без ведома местных властей арестовал невинных людей. Тот же Неудахин открыто заявил, что Облаком «шарахнули», то есть разогнали, так как в нем есть «мадамы» и контрреволюционеры, что Облаком «организация совершенно излишняя» и, как районные штабы, ненужная ввиду перехода всей полноты власти к военным организациям.

Подобные незаконные действия и агитация настраивали население против Советской власти и требовали от Облакома принятия срочных мер к их пресечению.

18 октября 1919 года Облаком на пленарном заседании учредил при юридическом отделе военно-революционный трибунал из трех человек — по одному от Облакома и штабов дивизий. На другой день юридический отдел разослал циркуляр в села о пресечении самовольных арестов, отмечая, что «... в самопроизвольных арестах получались и могут получиться в дальнейшем большие недоразумения, влекущие за собой печальные последствия, производящие на население неблагоприятные впечатления, и всем этим делается подрыв вновь возрождающейся Советской власти».

— Правильно сказано, — заметил Голиков, когда узнал о циркуляре. — А представительство в трибунале

командования должно обеспечить успех в работе и устранить взаимное недоверие.

Правильность заключения Голикова подтвердило совещание хозяйственного отдела Облакома с представителями партизанской армии по вопросам снабжения. Стороны быстро договорились о порядке заготовки продовольствия и фуража, мирно распределили обязанности между собой. Хозяйственный отдел взял на себя основные заботы по заготовке продовольствия, командование обязывалось помогать в том людьми и транспортом.

Кроме корпусного интенданта Чеканова, на совещании был и Булыгин, который вел себя так, будто 20 дней назад не он распускал Облаком.

Совещание единодушно установило нормы довольствия и без возражений предоставило Облакому право контроля за расходованием продовольствия и фуража в армии.

Из штаба корпуса возвратился Бобринский, привез неутешительную весть:

— Командование не отпускает товарища Голикова!

— Не отпускает! А мы добьемся, что товарищ Голиков возвратится на свое место! — уверенно заявил Колюцов, последние дни оставшийся за председателя Облакома, и добавил: — Еще и еще раз пошлем своего представителя к командованию — все равно не откажет!

На этот раз посланцем оказался Архипов. Члены Облакома полагали, что бывший начальник Солонковского штаба может быстрее найти общий язык с командованием.

Жигалин, которому Архипов первому в штабе корпуса сказал о цели приезда, согласился:

— Лично я не возражаю против возвращения товарища Голикова в Облаком. Считаю, что подобрать на должность командира полка подходящего человека легче, чем на председательскую в Облаком.

Вошел Мамонтов и, увидев Архипова, коротко, казалось, небрежно, поздоровался. Жигалин сказал, обращаясь к Мамонтову:

— Слово за главкомом!

Тот, догадываясь, о чем шла речь до его прихода, спросил резким, недовольным голосом:

— Опять о Голикове толкуете?

— Точно, о нем, Ефим Мефодьевич, — спокойно ответил Архипов.

Поймав вопросительный взгляд Мамонтова, Жигалин повторил вслух только что сказанное Архипову.

— Ид-а, — неопределенно протянул Мамонтов и потом, словно устыдившись собственной нерешительности, вдруг отрезал:—Раз так настырничаете—забирайте Голикова в Облаком! Видно, там он нужнее, чем в армии!..

Архипов уезжал из штаба корпуса довольный тем, что успешно выполнил поручение товарищей.

Почти вслед за ним в Облаком выехал и Голиков.

6. ДО ПОБЕДЫ ВО ГЛАВЕ ОБЛАКОМА

Голиков всегда считал, что незаменимых людей не бывает. В этом он еще раз убедился, когда, возвратившись в Облаком, детально ознакомился с его работой. Еще более окрепла прежняя вера Голикова в силу коллективного разума и действий людей.

Облаком нашел в себе достаточно жизненных сил не только для того, чтобы выстоять против попыток ликвидации, но и для разносторонней плодотворной работы в сложных и трудных условиях. Поэтому даже вчерашние противники его начинали смотреть на него другими глазами.

Возвращение Голикова на советскую работу являлось своего рода победой коллектива Облакома, которая содействовала укреплению авторитета Облакома, дальнейшему оживлению его работы.

2 ноября 1919 года на пленарном заседании Облакома председательское место вновь занял Голиков. Помимо членов Облакома и гостей присутствовали представители командования партизанской армии. Повестка дня, многолюдность совещания и важность принятых им решений выделяли его из числа всех предшествовавших. По предложению Голикова представителям командования предоставлялось право решающего голоса при обсуждении всех вопросов повестки дня.

Петр Клавдиевич выступил с небольшим докладом не столько о своей работе в армии, сколько о развитии

народного восстания и, в связи с этим, о ближайших задачах Облакома:

— Наша цель,— говорил он, — крепить сотрудничество Облакома и армии, наращивать силу и расширять народное восстание против колчаковщины до полной победы. Армия нуждается в людских пополнениях, вооружении, боеприпасах, продовольствии, одежде. Облаком сегодня должен поднять на небывалую высоту революционный дух населения, чтобы обеспечить армию всем необходимым, сделать ее непобедимой. Для того нужно всем работать сообща и не думать отдельным личностям о своих заслугах. Помните, товарищи, что не отдельные лица создали восстание, а сумма объективных условий и усилий!

Кто-то из присутствующих спросил после доклада:

— Думает ли товарищ Голиков остаться в Облакоме?

И сразу отовсюду понеслось:

— Пора свое место занять!

— Сколько будет Облаком без своего председателя!

— Просим товарища Голикова в Облаком!

— Есть предложение — вынести решение по этому вопросу!

Оно было принято единогласно:

«Ввиду того, что выезд председателя Облакома товарища Голикова был вызван военными обстоятельствами, то за самоотверженную работу, проявленную им в этом направлении в армии, выразить искреннюю благодарность и просить остаться работать в Облакоме».

Голикову такая похвала казалась сейчас, в самый разгар борьбы против колчаковщины, преждевременной, не совсем обоснованной, и потому он чувствовал себя смущенным.

— Благодарю, товарищи, за слишком высокую оценку моей скромной работы... Ваша просьба совпадает с моим желанием и решением командования — я остаюсь в Облакоме...

Волнение в голосе уступило место обычной непринужденности, когда Голиков перед обсуждением очередного вопроса обратился к заседанию со словами:

— Отдельными лицами высказываются сомнения, что товарищ Клавдия имеет мандат от большевистской организации Томска. Будет ли достаточно подтвержде-

ния товарища Громова для устранения возникшего недоразумения?

— Кому же тогда верить?

— Пусть скажет командир корпуса!

Громов уверенно пояснил:

— Товарищ Клавдия Калачева имела упомянутый мандат, который я видел своими глазами, но утратила его при частых переездах по территории восстания.

И снова раздалась требовательные, настойчивые голоса:

— Снять вопрос с обсуждения по причине отсутствия сомнений!

Клава Калачева ощутила какое-то облегчение на душе. Подтверждение Громова и согласие заседания опровергали измышления врагов Облакома о «засилье» в нем ненужных элементов, подтверждали, что Клава Калачева не «мадама», а активнейший и полезный советский работник.

Облаком впервые рассмотрел вопросы, касавшиеся армии, в более широком плане. Так, например, был утвержден в своих юридических правах высший командный состав партизанской армии. Об этом в постановляющей части протокола заседания говорилось:

«Пленарное заседание членов Облакома, как обремененных доверием и полномочием народа, постановило: для наилучшей борьбы с врагом и для завоевания народного права и удержания Советского правительства в восставшей местности Западной Сибири избрать и утвердить высший командный состав народной, крестьянской Красной Армии, главнокомандующим армии товарища Мамонтова, командиром корпуса товарища Громова, начальником штаба корпуса товарища Жигалина...»

Для руководства политической жизнью и политического контроля в армии Облаком решил ввести институт политических комиссаров и поручил агитационному отделу подобрать подходящие кандидатуры.

Закрывая заседание, Голиков про себя с удовлетворением отметил важность принятых решений и, самое основное,— согласие с ними командования. Тем самым наносился ощутимый удар по сторонникам «вбивания клиньев».

Каждый день приносил новые радостные известия.

Регулярная Красная Армия успешно продвигалась на восток. Бои против колчаковских войск проходили где-то западнее Омска. На громадной территории восстанавливалась Советская власть.

Как-то Голиков сказал членам агитационного отдела:

— Необходимо оповестить районные штабы. Поступило важное сообщение. ВЦИК создал Сибирский революционный комитет с временной резиденцией в Челябинске. Сибревкому вручена вся гражданская власть в Сибири. — И здесь же предостерегающе заметил: — Но у колчаковского зверя хребет еще не перебит!

Известие быстро облетело всю повстанческую территорию. По зимним перепуткам, пролегшим в Волчиху, растянулись санные обозы. В самом центре села чей-то голос остановил Голикова:

— Никак товарищ Голик! Как раз к тебе надо!

Голос человека, шедшего рядом с санями, казался знакомым, но лицо под большой овчинной шапкой, напоминавшей воронье гнездо, узнавалось плохо.

— Стой, стой!

— Некогда стоять! — Человек показал на длинный хвост обоза, пояснил с достоинством: — Не один, чай! Не по реквизиции, а по доброй воле продовольствию везем! Сказывай, куды нам ехать!

По беспорядочно спутанной, нечесанной бороде Голиков наконец узнал крестьянина, который агитировал за реквизицию.

— Товарищ Егор!

— То-то же, узнал-таки! — заметил довольный обозник, обернулся назад и громко передал по цепочке: — Сюды, направо, к сборне держать!

Егор отбился от обоза и зашагал рядом с Голиковым...

Облаком делал все возможное для поднятия революционного духа населения и партизанской армии. Голиков высказал свои соображения относительно полномочий Облакома:

— По насыщенности важными событиями сейчас день равен месяцу. Поэтому целесообразно в недалеком будущем созвать очередной съезд Советов, избрать новый Облаком. В него придут свежие силы, еще больше укрепитя доверие населения к Советской власти.

Облаком разработал циркуляр районным штабам.

В нем говорилось о созыве областного съезда Советов крестьянских, рабочих, солдатских депутатов 10 декабря 1919 года при норме представительства — по одному делегату от 3000 крестьян, 300 рабочих, 500 солдат. Правами голоса пользовались лица обоего пола в возрасте от 18 лет и «не подозреваемые и не осужденные за соучастие с белыми».

По предложению Голикова впервые на Алтае организовано праздновалась годовщина великого Октября с проведением митингов, бесед, демонстраций среди населения, в войсках.

Дни праздника объявлялись нерабочими. На сельских улицах не были редкостью мужчины с красными ленточками на рукавах, на шапках. То и дело проглядывали маковыми цветками красные полушалки на головах празднично одетых женщин. Бросалось в глаза самое интересное — отсутствие пьяных сборищ и всего того, чем сопровождалась религиозные праздники: бессвязных криков, песен до надрыва в голосах, драк.

— Новому празднику — новая встреча! — отметил Голиков, когда шел с митинга по улицам Волчихи с Вороновым и Калачевой.

Вечером, после торжественного заседания в доме Облакома, слышались революционные песни: «Смело, товарищи, в ногу», «Вихри враждебные веют над нами».

Страсть к борьбе, любовь к родине и трудовому народу рождали в душе Петра Клавдиевича песни, поэтому он пел их с большой охотой и проникновенно.

Один из жителей Волчихи заметил: — На сухую не та песня из груди рвется!

Петр Клавдиевич горячо возразил:— Песня должна исходить от души и сердца!

Почему-то вспомнилась родина — далекое украинское село Чернятино, овладело желание спеть песни, хорошо знакомые с детства.

Рече та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива,
Додолю верби гне високі,
Горами хвилю підійма...

Находясь в Облакоме, Петр Клавдиевич часто пел украинские песни, от него научились их петь те, кто окружал его, кто никогда не бывал на Украине... Низко стлался густой бас Воронова, отточенной косой звенел

чистый тенор Петра Клавдиевича, а над ними на самых высоких нотах вешним жаворонком трепетал альт Клары Калачевой. Песня выходила стройной, красивой, а когда кончился ее последний куплет, тот же житель Волчихи не удержался от неподдельной похвалы: — От, здорово!

Кто-то уколол словами односельчанина: — А без примочки ведь, насухую...

Празднование двухлетия Октября имело важное политическое значение, так как укрепляло веру трудящихся в прочность Советской власти, рождало более глубокие симпатии к ней...

Колчаковское военное командование строило новые, более широкие планы ликвидации партизанского движения на Алтае, чтобы создать надежный тыл и необходимые условия для переформирования частей, потрепанных на фронте.

Начальник тыла колчаковской армии генерал-лейтенант Матковский в приказе к населению Алтая сообщал, что «со всех сторон» начнется наступление против красных партизан, что «дальше беспорядков терпеть нельзя...»

Все чаще колчаковские власти упоминали в числе «самозванцев» и «смутьянов» рядом с Мамонтовым, Громовым и другими фамилию Голикова. Улыбаясь, Петр Клавдиевич в шутку говорил товарищам по работе:

— Спасибо Колчаку, что не обошел и меня чином! — и вполне серьезно добавлял: — Нет лучшей награды для борца за свободу, чем ненависть врага. И такой наградой вправе гордиться каждый, кто заслужил ее!

Обстановка требовала от населения, партизанской армии проявления высоких революционных качеств. Облаком и его председатель в эти дни всю свою неумную энергию отдавали не только воспитанию масс, но и военному строительству: пополнению рядов армии, повышению ее боеспособности, обеспечению всем необходимым, разведке и информации о передвижениях колчаковских войск и т. п.

Сохранившиеся документы в достаточной степени характеризуют деятельность Голикова.

В первых числах ноября 1919 года Облакому стало известно, что в районы повстанческой территории из

Славгорода движутся колчаковские подразделения, только что сформированные из мобилизованных солдат. На другой же день Голиков встретился с жителями Волчихи, повел разговор напрямую:

— Почти у каждого из вас есть родственники в отрядах, которые движутся из Славгорода...

Его оборвали громкие возгласы:

— Известное дело служба: что прикажут, то и делай!

— За послушание на службе — свинцовая галушка в лоб!

— Не мы командуем мобилизованными!

— Все это верно, — согласился Голиков. — Но надо понять, товарищи: служба службе — рознь. Не на прогулку пошли колчаковцы, а затем, чтобы пролить кровь своих отцов и матерей, братьев и сестер, по приказу офицеров спалить родные села!..

— А что же можем сделать мы? Чай, плетью обуха не перешибешь!

— А мы перешибем! — с задором воскликнул Голиков. — Было бы на то ваше желание!

— Оно, конечно, ежели от нас зависит, то мы не супротив помочь, но так, чтобы от колчаков обид каких не вышло нам...

Голиков заверил:

— И обид от колчаковцев не будет!

— Э-э, не будет! Брось сказки сказывать! Лучше рассказал бы, что требуется от нас. Помозгуем малость, ответ дадим!

Голиков перешел на ровный, спокойный тон, каким обычно говорят о деле:

— Требуется от вас немного: каждому, имеющему родственников среди мобилизованных, выехать навстречу им. Офицеры станут спрашивать — отвечайте, что в Славгород или в другие села спасаетесь от большевиков, у которых силы несметные имеются. Родственникам своим братский привет от красных партизан передайте. Скажите, что ждем их в свои ряды с винтовками и пулеметами...

— То поручение подходящее для нас. Согласны выехать...

Едва затих скрип саней, топот конских копыт, Голиков сообщил в штаб корпуса о принятых мерах: «...Из Славгорода идут силы противника — мобилизованные.

Навстречу им выехали из Волчихи ряд жителей, имеющих среди тех родственников, для агитации. Возможно, удастся что-либо в этом направлении сделать, если только будут действовать аккуратно... Постарайтесь точнее собрать сведения и сообщить...»

Одновременно Голиков просил сообщить, кто командует Славгородской группой партизанской армии, с тем чтобы установить с ней постоянную связь.

Через районные штабы Голиков в большинстве случаев был осведомлен о движении, тактических замыслах колчаковских подразделений. Надо сказать, что военная информация Облакома немало помогала командованию партизанской армии в успешной разработке планов боевых операций, в своевременном определении направлений главных ударов противника.

В направлении Рубцовка—Волчиха продвигались кавалерийские колчаковские полки, которые намеревались нанести удар с юга по «партизанской Москве»—Солоновке. Их задержка партизанами могла обеспечить успех боев против других колчаковских частей, двигавшихся на Солоновку.

В эти дни Голиков, выполняя обязанности председателя Облакома, одновременно командовал Волчихинским боевым участком. Он сам писал в штаб корпуса по-военному короткие, но содержательные телеграфные донесения о положении на этом участке фронта. В некоторых из них давались советы и предложения командованию. Так, 9 ноября 1919 года Голиков писал: «Кромке бора Новичиха-Сросты ходит связь белых. Шелковниковой принимаются меры. Лебяжье занято разведкой белых, наша разведка 10-го полка Егорьевке. Непроверенным сведениям сегодня идет бой 10 и 4-го полков белыми. Сообщайте вашем положении». Через день он снова телеграфировал: «После длительного боя противник занял селение Речку Кормиху, 10-й полк отступает Волчиху. Такое же распоряжение отдано 4-му полку, госпитали, интендантства эвакуируем. Бой думаем дать Волчихе. Пока живы, Волчихи не отступим. Информировуйте чаще, нажимайте Мельниково...»

Наступала напряженная пора. Для ведения успешных боев с противником требовались высокая организованность, четкость построения партизанской армии, наличие все большего количества конницы.

Облаком через свой военный отдел срочно издал два приказа о порядке формирования полков и несения службы в партизанской армии, о мобилизации лошадей у населения для пополнения кавалерийских частей.

С приближением линии фронта из Волчихи началась эвакуация госпиталей, интендантства, канцелярии Облакома. Организованно и без паники вышли из Волчихи обозы. На 208 подводах в село Вознесенское уезжали раненые. Канцелярия Облакома, мастерские, склады, запасы различных материалов отправлялись в Завьялово.

Голиков и многие члены Облакома оставались в Волчихе для непосредственного участия в боевых операциях. Голиков давал напутственные указания относительно дальнейшей работы после эвакуации заведующему отделом народного хозяйства Бобринскому и заведующему санитарным отделом Есину:

— С приездом на место разместите службы в подходящих помещениях, немедленно организуйте работу мастерских. Сделайте все для быстреего выздоравливания и возвращения раненых в строй.

— Медицинского персонала недостаток, — ответил Есин и подал подготовленное предписание Облакома районным штабам: «Для более точной и правильной регистрации фельдшеров, медицинского персонала санитарный отдел Облакома предлагает Вам взять на учет всех фельдшеров и доставить в кратчайший срок списки...»

— Нам необходимо использовать медицинский персонал из числа военнопленных, — заметил Голиков, подписывая документ, и сейчас же, вспомнив что-то, составил телеграмму в штаб корпуса: «Получены сведения товарищ Плотников* приехал Бутырки главный госпиталь требовал выдачи врача, взятого плен Егорьевке, для расстрела. Протестуя против таких выходов отдельных товарищей, предлагаем принять меры ограждению названного врача возможного произвола. Названный врач хороший опытный хирург, произвел много операций. Если врач политически неблагонадежен, возможно поставить тщательную охрану...»

14—17 ноября 1919 года партизанская армия вела бой

* Комиссар 1-го Алтайского полка, замаскировавшийся эсер, впоследствии с оружием в руках выступивший против Советской власти.

против отборных колчаковских частей у села Солоновки. Он закончился блестящей победой партизан. Колчаковцы в пути были задержаны волчихинской группой партизанских полков и не успели своевременно прийти в Солоновку и оказать помощь своей ударной группировке.

Голиков вместе со многими членами Облакома был участником Солоновского боя.

Густые цепи колчаковцев ломались, рассыпались от меткого ружейно-пулеметного огня партизан. На отдельных участках боя партизаны ходили в контратаки. Во фланг колчаковцам стремительно ударил 4-й партизанский полк, отвлек силы врага с основного направления. Во время операции погиб член Облакома Морозов.

И в атаке, и в обороне Голиков находил свое место: шел в цепях атакующих, из окопов тщательно выцеливал движущихся вражеских солдат, проходя по цепям, бодрым словом, уместной шуткой укреплял у партизан уверенность в победе.

В этом бою с особой силой проявились коллективизм партизанской массы, военное мастерство, личная отвага командиров, в первую очередь главкома Мамонтова. С окончанием Солоновского боя колчаковские части, спешившие в Солоновку, отошли на исходные позиции.

Солоновская победа открыла перед партизанами широкие оперативные просторы. Создались реальные условия и возможности для крупных наступательных операций, нанесения новых, сокрушительных ударов с целью занятия опорных пунктов и завершения полного разгрома колчаковщины на Алтае. Народное восстание вступало в новую, высшую стадию развития. Весть о победе в Солоновке летела из села в село. Радостно встречал ее народ. Районные штабы присылали в Облаком длинные списки крестьян, желавших вступить в ряды партизанской армии. Формировались новые полки. Народное восстание набирало небывалую силу.

После Солоновского боя Голиков возвратился в Облаком. Сюда почти каждый день приходили делегаты от сел с твердым намерением увидеть товарища «Голика». Приходили не только ради свежих новостей, а и затем, чтобы помочь Советской власти. Как-то к Голикову зашли несколько делегатов, каждый со списком жителей своего села. Против фамилий стояли неуклюжие, коря-

вые росписи или жирно выведенные крестики. Петр Клавдиевич медленно читал:

«Иван Дерюгин — 20 рублей... Сидор Петухов — 23 рубля... Многодетная вдова Авдотья Козлова — 3 рубля...» Брови Голикова прыгнули вверх, отчего-то запершило в горле.

— Это зачем еще? — спросил он.

Высокий сухопарый крестьянин с редкой, козлиной бороденкой вышел вперед и уверенно ответил:

— Как зачем! На нужды армии даем, чтоб ни в чем недостачи не было!

Голиков догадался, что его не поняли, и спросил снова:

— Сколько у вдовы детей, велико ли хозяйство?

— Э-э, вон оно что, — протянул крестьянин. — Вдова та нашего общества будет. А ребят у нее четверо, один другого менее, а хозяйство—изба на курьих ножках да огород при ней, всегда травой заросший... Отговаривать Авдотью было стали. Так где там! Не по упрямству бабьему, а по сознательности Авдотья отдала деньги, которые копила на корову, чтобы ребяенок на ноги поднять...

— Благодарность и поклон нижайший передайте товарищу Авдотье от имени революции...

Голиков передал письменное распоряжение районному штабу о том, чтобы Авдотье Козловой оказали помощь хлебом, а также деньгами для приобретения коровы из сумм, поступающих на нужды партизанской армии...

С притоком в армию новых пополнений острее ставился вопрос с обмундированием, особенно с теплым, с помощью семьям партизан. По предложению Голикова Облаком принял два специальных решения: «О порядке снабжения партизанской армии обмундированием» и «Об усилении помощи населения семьям партизан». В них рекомендовалось районным штабам обмундировать партизан за их счет, а неимущих — за счет общества, помогать семьям партизан-добровольцев и мобилизованных в уборке и обмолаоте хлебов, для чего конфисковались молотилки.

18 ноября 1919 года партизаны заняли Славгород. Колчаковцы, бежавшие на станцию Карасук, были перехвачены в пути и разгромлены. В руки партизан попа-

ли большие трофеи: 4,5 млн. пудов пшеницы, 20 тысяч пудов сахару, мануфактуры на 5,5 млн. рублей и другое. Сохранение и своевременная эвакуация ценностей имели большое значение для партизанской армии. По этому вопросу Голиков дал следующее предписание штабу корпуса от имени Облакома: «Немедленно сообщите, посылалась ли Вами комиссия по эвакуации ценностей из Славгорода... В правильной эвакуации ценностей заинтересована вся восставшая территория... Распорядитесь, чтобы опись эвакуированного имущества была представлена отделу народного хозяйства и чтобы не повторились случаи хищения народного достояния мародерами и по пути следования. Все конфискованные денежные суммы передать в областное казначейство (при финансовом отделе Облакома). О всех сделанных распоряжениях благоволите сообщить Облакому».

Чтобы исключить возможные ошибки в будущем, Голиков за несколько дней до взятия Камня известил штаб корпуса, что в его распоряжение направляется смешанная комиссия по эвакуации ценностей во главе с членом Облакома Толоконниковым. Одновременно в целях пресечения случаев мародерства по всем селам был разослан циркуляр за подписью Голикова. В нем говорилось: «До начала восстания и во время восстания отдельные лица, а иногда и отряды, прикрываясь именем борьбы за Советскую власть, выдавая себя за красноармейцев, грабили население, иногда и бедноту... Чтобы выбросить из своих рядов уголовный элемент... необходимо узнать его. В этих целях областной комитет предлагает... обо всем произвести тщательное дознание, протоколы, кои представить юридическому отделу Облакома...»

28 ноября 1919 года партизаны взяли Камень и почти одновременно — Рубцовку.

Совсем близко слышалась победная поступь полков регулярной Красной Армии. 23 ноября 1919 года 9-й Каргатский партизанский полк связался с регулярными частями, а Облаком выслал специальных курьеров.

26 ноября 1919 года Облаком издал приказ о разделении партизанской армии на два корпуса с учреждением при Главнокомандующем штаба армии.

Военные события развертывались с поразительной быстротой. Голиков зорко следил за ними, старался

всеми своими действиями приблизить час окончательной победы над врагом. В предписании начальнику штаба армии он просил: «...аккуратно и периодически осведомлять президиум (Облакома) о всех военных операциях (о ходе операций), а также о всех стратегических предположениях». Это свидетельствовало о стремлении Голикова решать все военные вопросы сообща, о привлечении к их разработке более широкого круга компетентных лиц.

Последующие предписания Облакома на имя командования партизанской армии, составленные Голиковым, содержат практические советы по ведению боевых действий и свидетельствуют о тактической зрелости автора. В одном из предписаний говорилось, например, что главные силы отступающего противника движутся параллельно транссибирской железной дороге на расстоянии 30—50 верст от нее в направлении Ново-Николаевска. Обозы противника охранялись слабыми, малочисленными отрядами и являлись вполне подходящим объектом для действий со стороны партизан. На этот счет в предписании имелось указание: «...Примите от себя меры перебросить хотя бы часть своих войск в помощь 9-му Каргатскому полку для этих операций...» Ниже рекомендовалось проведение боевых операций более широкого масштаба: «...Чтобы не дать противнику возможности спокойно эвакуировать Барнаул и Бийск, немедленно перекиньте за Обь часть своих сил для поднятия восстаний за Обью и перерыва линии Ново-Николаевск — Барнаул. Не откажите о всем сделанном Вами поставить нас в известность».

В конце ноября 1919 года мощное партизанское движение охватило обширные горно-степные районы правобережья верхней Оби. Приказом Облакома в этом районе была создана 6-я Горно-Степная дивизия, ее командиром назначен член Облакома Архипов.

В дивизии насчитывалось 4 полка, на ее вооружении имелись пулеметы, винтовки.

Голиков знал, что в Горном Алтае вела бои партизанская дивизия под командованием И. Я. Третьяка, на правобережье Оби 1-я Чумышская кавалерийская дивизия во главе с «Анатолием» (М. И. Ворожцовым). Об этом сообщали населению информационные листки Облакома.

— Под ногами Колчака горит земля! Настал удобный момент для удара всей партизанской массой по Колчаку! — говорил в эти дни Голиков.

Именно в эти дни родилось замечательное воззвание Облакома ко всем трудящимся Сибири об активизации борьбы против Колчака. Ведущим автором проникновенных строк явился Голиков: «Братья товарищи! Настал для нас великий час дня боя с нашими заклятыми врагами. С возвышенной душой поднимайтесь все, как один, на белую, колчаковскую банду, чтоб ни одна ваша душа не дрогнула перед врагом... У нас должно быть одно сердце и один крепкий дух, если у нас будут разные несогласия, распри, халатное отношение к делу, тогда враг нас может стереть с лица земли. Товарищи! Этого не должно быть... мы не дадим свою родину в обиду, не дадим тиранам терзать нашу любимую мать, а всеми силами будем ее защищать. Долой Колчака со своей сворой! Да здравствует Российская Советская Федеративная Социалистическая республика!»

В обращении имелись слова, призывающие к единству в рядах борцов за Советскую власть. Этот призыв не явился случайностью. Командованию партизанской армии поступили сведения о том, что будто Облаком бежал из Волчихи на подводах, предназначенных для раненых и обслуживания воинских частей, в результате чего среди населения началась паника. Непроверенные, по существу провокационные сведения послужили поводом для необоснованных угроз в адрес Облакома со стороны командования в записке от 17 ноября 1919 года, в которой говорилось: «Всем членам Облакома. Верховный командный состав предлагает вам в дальнейшем не наводить такой паники на население своими переездами, как это продолжалось до сих пор. В противном случае все члены Облакома будут арестованы и преданы армейскому суду». Горькая усмешка скользнула по лицу Голикова:

— Обидно, товарищи члены Облакома, что темным силам удалось сыграть злую шутку, что восторжествовала ложь, пусть даже временно!

Завязалась переписка между Голиковым и командованием партизанской армии. Она была неуместна, но крайне необходима для устранения возникшего недоразумения. В ходе переписки командование оказалось

вынужденным признаться по поводу предупреждения Облакому: «Если это сделано в слишком резкой форме, то надо принять во внимание те условия и обстоятельства, в которых находился в этот момент командный состав».

Члены Облакома единодушно высказали мнение:

— Всем военным штабам и политическим комиссарам необходимо сообщить письмом о несостоятельности обвинений, предъявленных Облакому, до конца разоблачить гнусную провокацию...

Письмо, написанное при самом деятельном участии Голикова и обсужденное членами Облакома, давало политическую оценку деятельности провокаторов. При этом в письме был соблюден известный такт, чтобы не усугубить ненормальностей во взаимоотношениях с командованием армии: «Темными силами в целях подрыва Советской власти ведется преступная агитация против органов Советской власти. Врагам Советской власти известно, что открытой агитацией против Советской власти им теперь ничего не сделать, а поэтому они стараются, надеясь на темноту восставшего народа, действовать другим способом, распуская ложные слухи про советские органы, а в частности и областной исполнительный комитет. Благодаря работе таких агитаторов, вся наша работа может рухнуть. Заметны попытки темных сил натравить воинские части на советские организации...» В письме сообщалось, как в действительности проходила эвакуация Волчихи, как члены Облакома паники не создавали и участвовали в Солоновском бое. В заключительной части письма предлагалось: «Об этом доведите до сведения населения и товарищей солдат и примите меры к задержанию и преданию суду всех провокаторов, агитирующих и распространяющих ложные слухи».

Временные недоразумения не могли помешать Облакому и его председателю в дальнейшем советском строительстве. В частности, Облаком реорганизовал районные военно-революционные штабы в районные Советы крестьянских депутатов, которые избирались на более демократических началах.

«День равен месяцу...» — Эти слова Голикова особенно убедительно подтверждались стремительным ходом событий тех дней. 43-й и 46-й колчаковские полки 14—17

ноября настойчиво атаковали позиции партизан у Солоновки, а полмесяца спустя их остатки восстали против Колчака и соединились со 2-м Славгородским партизанским полком. Вчерашние враги встречались под звуки торжественного марша, обнимались и целовались, как братья после долгой разлуки.

2 декабря 1919 года штаб 26-й стрелковой дивизии 5-й регулярной Красной Армии в оперативной сводке сообщал, что удалось установить связь с полками партизанской армии уже не в одном, а в трех пунктах. Районные штабы засыпали Облаком сообщениями о повсеместном отступлении и частичной сдаче вооруженных колчаковцев в плен.

— Окончательная победа над колчаковцами на Алтае — дело нескольких дней, — говорил Голиков, внимательно просматривая поступающие сообщения.

5 декабря 1919 года состоялось пленарное заседание Облакома с участием долгожданных гостей — членов походного ревкома 5-й Красной Армии. На заседании царила обстановка какой-то сдержанной торжественности. Члены Облакома отчитывались о своей деятельности, гости хранили молчаливое изумление на лицах. По отрывочным сведениям, доходившим ранее до них, они не знали и сотой доли тех поистине героических дел, которые свершили Облаком и его председатель. И это все в условиях почти полной изолированности от руководящих партийных и советских центров.

— Товарищи, нет слов выразить благодарность партизанской армии и Облакому — первой за героические боевые дела, второму — за многогранную, плодотворную работу в необычных, труднейших условиях. Не только мы, а грядущие поколения дадут высокую оценку вашим героическим подвигам. Да здравствует победа!

Слова представителя походного ревкома затерялись в дружных аплодисментах: членам Облакома было приятно и радостно сознавать, что труд на благо народного восстания получил столь высокую оценку.

Ввиду перехода власти в руки Сибревкома и его местных органов — ревкомов, Облаком распускался.

На другой день Голиков, как представитель народного восстания, выезжал навстречу регулярной Красной Армии, чтобы рассказать о боевых делах партизанской армии, о работе советских органов в глубоком тылу

Колчака, о жизни своеобразной Советской республики на Алтае...

Возле саней столпились члены Облакома. Всего три месяца действовал Облаком, но лица тех, кто работал в нем, сейчас казались Голикову знакомыми чуть не вечность. И тут вспомнились справедливые слова:

«День равен месяцу...»

Голиков почему-то долго смотрел на Клаву Калачеву. И здесь же поймал себя на том, что раньше этого не делал. Тронулись с места сани. В визге полозьев заглохли напутственные возгласы. В морозной дымке давно уже затерялись фигуры провожающих, а в глазах Голикова по-прежнему стояла Клава Калачева с приветственной, немного грустной улыбкой на лице. Голиков ехал, обернувшись назад, будто хотел прочесть выражение глаз Клавы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	3
1. Пламя в степи	5
2. На путях к организованности	15
3. Есть областной исполком!	25
4. В Облакоме и в армии	32
5. Облаком без председателя	53
6. До победы во главе Облакома	61

Бородкин Петр Антонович

П. К. ГОЛИКОВ

Редактор *В. Попов*

Художественный редактор *Н. Аргудьева*

Технический редактор *М. Штремлева*

Корректоры *Л. Конева, Г. Шулякова*

Сдано в набор 10. V. 1963 г. Подписано к печати 29. VII. 1963 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$ —
2,5=4,10 усл. п. л. (5,49 уч.-изд. л.).

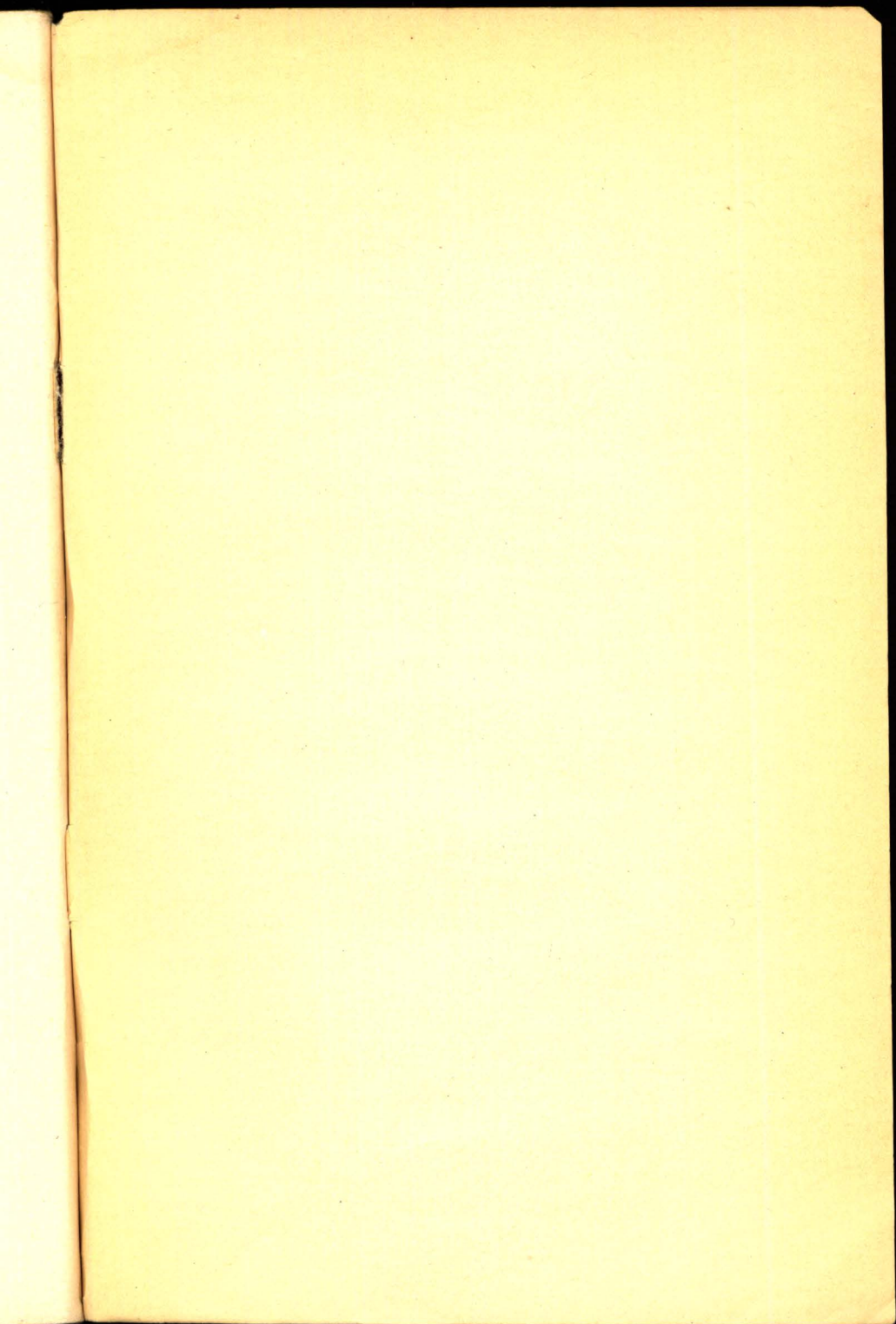
АГ 04336. Заказ 1192. Тираж 3500 экз.

Цена 10 коп.

Алтайское книжное издательство,
Барнаул, пр. Ленина, 76.
Типография № 1 Полиграфиздата,
Барнаул, Л. Толстого, 29.

К ЧИТАТЕЛЯМ!
Издательство просит вас
посылать свои отзывы
об этой книге и пожелания
по адресу:
г. Барнаул, пр. Ленина, 76,
Алтайское
книжное издательство.

10 коп.

АЛТАЙСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО